

Письма Марине Костенецкой

Литва. Шяуляй. 23. 09. 77 г. Пятница.

Милая моя Маришенька!

Итак, «землетрясение» все-таки произошло. Я поняла это, еще не распечатав сегодняшнее письмо. Зато как обрадовалась, выяснив, что ничего со знаком минус не случилось. Читательская конференция! Это же очень славно. Слетаешь в Даугавпилс. Соприкоснешься с «читательской массой», т.е. людьми, потребляющими продукцию «задорного цеха». А «масса» будет с любопытством разглядывать писателя живьем, потом делиться впечатлениями с родными и близкими.

Я всегда любила читательские конференции. Особенно памятна одна. По «Оттепели» Эренбурга в библиотеке Тургенева. Во-первых, желающих принять участие было столько, что выломали дверь. Во-вторых, страсти разгорелись дикие: «Оттепель» тогда была злободневна. После многих лет железной пяты можно было сказать, не опасаясь репрессий, именно то, что думаешь. Илья Григорьевич сидел как-то сбоку, грустный, скромный, очень похожий на француза, слушал «зеленый шум» задумчиво и, казалось, больше думал о своем, чем слушал. Мнения разделились. Большинство выражало неприятие. Те же, кто понял писателя, возмущались «профанами» до глубины души и не жалели неслестных эпитетов в их адрес. Потом выступил резюмирующий, который хотел найти узкий фарватер между положительной и отрицательной оценкой. Самое интересное было, разумеется, слово самого Эренбурга. Он говорил очень тихо и медленно, словно подбирая наиболее точные и весомые фразы. И опять же, казалось, более говорил для себя, чем для аудитории. Меньше всего о самой повести. Больше о жизни, смене микроэпох, чувствах и психологии людей, формах их выражения... И только в конце сказал, что «Оттепель» — его любимое детище, в которое он вложил все, что имел за душой. И как бы она ни была оценена читателями и критикой, останется для него чем-то бесконечно дорогим.

Все захлопали. Так, как умеют хлопать только в Москве. И какая-то девушка подала ему живую гвоздику (это было в марте). Я так живо помню ту конференцию, даже отдельные лица, словно все это происходило совсем недавно. А было это двадцать лет назад. Потом старика Эренбурга страшно травили. Особенно Шолохов разошелся. Не знаю, как другие, но я, признавая талант Шолохова, не могу более его читать. Ардаматского тоже. Гаденькие сердцевинки в этих

двух людях, хамоватенькие. Не будь революции, эти в первых рядах бы пели: «Боже, царя храни!»

Маришка, не дерись! Если твое мнение о нобелевском лауреате Шолохове иное, не протестую. Марти Ларни обожает Шолохова. А я очень люблю Марти Ларни, хоть он, как и все прогрессивные зарубежные деятели, очень мало понимает, что творится у нас, вернее, не творится, а происходит. Вполне закономерно.

Я вот сейчас перечитывала «Воскресенье», потом, разумеется, ленинские статьи о Толстом. Ах, какая ошибка двух гигантов! Ты не представляешь, какое это наслаждение выслушать полемику двух личностей, обладающих поистине железной логикой, личностей страстных, в чем-то абсолютно согласных друг другу, а в чем-то абсолютно непримиримых противников!

Боюсь быть смешной и ничего не утверждаю, но мне кажется, — Ленин не совсем понял Толстого. Толстой искал гармонии мира, логики добра и зла, справедливости и гуманизма во всеобщем нравственном усовершенствовании личности, в следовании мудрейшим евангельским притчам. Толстой рассматривал человека скорее как «тварь божью», нежели как социальную единицу. И Толстой искал пробуждения духовного начала буквально во всех, считал это возможным. Он считал, что зла, как такового, в людях нет. Оно порождается безмыслием, малой духовностью и, наконец, тем положением, в которое поставили обстоятельства.

Ленин же полагал, что коль скоро полицейско-чиновничий аппарат царизма будет уничтожен, крестьянские и рабочие массы получат демократическое самоуправление, образуются, получают из своей среды прослойку интеллигенции, которая осуществит надстроечную систему, возникнет человек, в котором «все будет прекрасно: и душа, и одежда, и тело, и мысли». Однако, этого не произошло. В массе люди остались субъективными идеалистами, как бы мы их ни называли. Создать самому себе мыслимый, предельно комфортный микромир — это основная цель каждой жизни. Если бога и нет, то пусть верящий в химеру человек боится расправы за тайную несправедливость. Толстого читать ныне страшно. В межличностных отношениях не только ничего не изменилось, но волчизм обострился, нашел куда более изощренные и хитрые формы. И чем более изощренные и хитрые формы он находит, тем громче кричим мы о торжестве правды, добра и справедливости, и тем решим-

тельнее затыкаем глотки тем, кто наивно вопит: «А король-то голый!», — забывая, что и «голый король» — это реальная власть.

Что же делать с людьми? Сколько ни организовывали государственных систем, — результат по сути один: порок торжествует, добродетель наказана. «Вновь богатый зол и рад, вновь унижен бедный»... (Блок).

Богатство, Маришенька, это не только деньги. Богатство это и здоровье, и физические силы, и молодость, и красота, и «локти», которыми расталкивают ближних, и интеллект, и тормозные реакции, дающие возможность «держать подальше мысль от языка, а необдуманную мысль от действия», и многое другое. А вот все эти «богатства», как правило, материализуются в престижность социальную и «материальное благосостояние».

Что касается слабых, больных, нервных людей, сексуально малопривлекательных, с негибким, неизворотливым интеллектом, то это бедность, несущая великое множество унижений.

Нет людей, которые представляли бы из себя химически чистый набор «бедности» или «богатств». Но на определенном этапе бытия что-то превалирует.

А под дневниками я подразумевала не совсем дневник, а скорее совершенно служебные зарисовки состояния собственного духа в тех или иных ситуациях. Вот такой рисунок с натуры. Пригодится потом для работы, Маришенька. «Познай самого себя — познаешь мир». На ком же еще проследить внутренние пружины действия определенных натур в определенных обстоятельствах, как не на себе самом?

И приезжай все-таки. Ну, хоть на два дня. Дает мне бог деликатных знакомых! Ну, что ты все мучаешься аристократизмом? Кого утомишь за два дня? Меня? Это невероятно. Моего мужа? Когда увидишь его, самой смешно станет.

Сегодня мне дали путевку, в Палангу, с 14 октября. Постарайся приехать «до того». Ах, как жаль, что воскресенье отпало! Напокупала я разных вкусностей, чтобы у тебя «вкусное воскресенье» было. Ладно. Смиримся. Все равно «возникни». Целую. Н.Я.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

18 мая 1983г., хутор «Крастмали»

Здравствуй, милая писательница!

Весь день в поте лица я трудилась в своем садике. Сейчас в природе самое чудесное время — все цветет! И вот я устала физически. Надо перевести дух. Надо почерпнуть энергии «из не иссякающих родников жизни», чтобы вместе с душой воспрянул и физический человек. И так

я испытываю потребность побыть сейчас с Вами. Вчера, то есть 17-го мая, я получила письмо, которое Вы написали 14-го числа! Было это так. Я привела в порядок дом, помылась, надела чистые одежды и вместе со своей собачкой отправилась за почтой. Мне почту к дому не доставляют. Хутор стоит в километре от шоссе, и вот там-то, под раскидистой липой и прячется мой почтовый ящик. Велико же было мое изумление, когда я развернула газеты, и из них выпало Ваше письмо. Такой молниеносный ответ! Право же, Вы девочка благовоспитанная. И вот возвращалась я через ржаное поле по своей протоптанной тропинке с радостью: ко мне ведь пришел гость! Значит, и у меня был праздник!

Зента Мауриня (известная латышская писательница-эмигрантка, ее книги в СССР были запрещены. М.К.) говорит: «Друг — это тот, кто приходит не званным, не приглашенным, а всегда лишь долгожданным!» Я счастлива, что своим письмом и размышлениями смогла внести в Ваши будни праздничный настрой. Возможно, мне это удалось потому, что, без малейшего сомнения, я уверовала в Ваш талант из первого же случайного интервью в газете, когда моя интуиция сразу подсказала: ого, здесь в литературу входит личность! Многие латыши тогда еще понятия не имели, что это за явление — Марина Костенецкая!

И только теперь, когда Вы так смело бросили в общество «бомбу» о детских домах — у многих вдруг открылись глаза, и они заинтересовались, а кто же она, эта Марина Костенецкая? Это Вам здорово удалось! Многие «знатоки общества» зашевелились! Обязательно послушаю передачу 20-го мая!

Интересно было бы узнать, как мои соотечественники восприняли Вашу первую книгу? У латышей много хороших черт характера, но, пройдя обработку жерновами эпох, они и плохими качествами сумели обрести. Поэтому не удивляюсь, что сам по себе факт того, как бесцеремонно Вы вдруг ворвались в нашу литературу, кое-кому может прийтись и не по вкусу.

В духовном мире границ не существует! Там величие принадлежит всем! Это как говорит наш Райнис: «Не будет больше стены между я и другой» (Видели ли Вы в Художественном театре постановку по Райнису «Иосиф и его братья»?).

Мы теперь так редко прислушиваемся друг к другу, и в вечной своей суете успели уже забежать так далеко, что впереди маячит только слепая угрожающая тьма.

Но об этом не будем говорить сегодня, когда над полями нашей родины опять шествует цветущая весна! Когда крестьянин со своей сеялкой выходит в поле (теперь, правда, выезжает трактор), когда все распускается и цветет для красоты. «Почки каштана в руках так же пахучи и смолисты, и песня скворца так же ликующая, как это было и в прошлом, и в позапрошлом году».

Жаль, что Вам это время цветения прихо-

дится проводить в Риге. А может быть, удалось все же вырваться в Ваше «именщице» в Баусской стороне? (Имеется в виду мой хутор «Драудзини» в Баусском районе. — М.К.) Надо признаться, мне еще не доводилось бывать ни в Бауске, ни в Тервете. А так хотелось бы побывать в «Спридишах» Анны Бригадере («Спридиши» мемориальный музей классика латышской литературы А. Бригадере. М.К.) — в моем детстве, там, где маленькая Аннушка ищет свою дорогу в большую жизнь, где храбрый Спридитис борется с великаном, и где «Майя и Пайя» проходят чистилище своего преображения (герои книг А. Бригадере. М.К.)

Ну, а теперь о детском доме! Вы там, наверное, как приемная мать — самая любимая и самая желанная! Вы написали рассказ о каком-то мальчике. Не предвидится ли опубликовать его в «Литература ун Максла»? (газета Союза писателей Латвии «Литература и искусство». М.К.)

Эти дети, мне кажется, как птенцы, которые выброшены из гнезда! У некоторых маленькие крылышки надломлены, но те, что сильнее, поднимутся для полета. Вы герой, потому что способны «войти в это море боли» и протянуть свою женскую руку тем, кто так тоскует по материнской любви и хочет видеть жизнь «в большое окно»

И опять мне вспоминается сказанное Зентой Мауриней: «На самые большие страдания человека обрекает не Бог и не судьба, не болезнь и не нищета, самые большие страдания человеку причиняет человек».

Где матери и отцы этих детей?

Ну, а теперь я опять пойду в свой сад и стану молиться:

Чтоб земле не больно было,
Когда ноги мои ступают по ней;
Чтоб цветок не страдал,
Когда ребенок вплетает его в венок.
И чтоб не осталось ни одной,
Если здесь возможно такое,
Души без солнечного луча.

(Фрицис Барда)

С добрыми пожеланиями —
Ваша Скайдрите

(Автор письма пенсионерка Скайдрите Закс из Елгавского района)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Моя дорогая Марина!

Простите, что я так к Вам обращаюсь, но в мое сердце Вы такой вошли, и не думаю, что станете строго судить меня за такую интимность!

Время протекло с безжалостной скоростью, и вот в мой двор опять уже пожаловала золотистая осень. В молодости я любила осень.

Но теперь, когда через мою жизнь катит уже Девятый десяток, сердцу ближе — теплое дыхание июльских ночей, «когда край ржаного поля вдруг пойдет волнами, и ты ощутишь, как отголосок золотой отзовется в тебе самом»!

У меня такое чувство, что этим летом Вы совсем не отдохнули. Плотину тишины прорвало; Вас закружил водоворот большой жизни в первых рядах наших писателей.

Насколько уж мне это доступно, через «узенькую щелку» наблюдаю за Вашим стремительным восхождением. Даже наш великий мудрец Имант Зиедонис в одном из интервью по радио сказал: «Марина Костенецкая умный писатель». Везде Вас приглашают, Вам пишут, Вам надо ехать... Вот и настали в Вашей жизни дни, когда так мало времени остается для себя, и все же Вы пишете, думаете, ищете... Было очень обидно, что не слышала Вашу «Кольбельную Бетховену». Для меня сегодня уже проблематично лишний раз съездить в Ригу, но именно в тот день ко мне приехал человек, которому я могла бы доверить ключи от дома. Однако, только в 16:19 из новостей по радио я узнала, что в Доме культуры профсоюзов сегодня состоится Ваш авторский вечер — собираться в дорогу было уже поздно. Автобус ушел в 15:45.

Сегодня прочла в «Литература ун Максла» отзыв о вечере. Я счастлива, что с каждым выходом в народ вы одерживаете новую победу, что дух человеколюбия и добра еще жив!

Осень золотыми листьями несет весть: будет зима, занесет меня снегом в хижину одиночества, воспоминаний и грез. Но что поделаешь — такова моя судьба. Но, быть может, какое-нибудь чудо вдруг добредет еще до меня по глубоким сугробам... Может быть и Вы (если только выпадет свободная минутка), когда-нибудь в мыслях заглянете ко мне и расскажете, что происходит там, в Большой Жизни!

Ваша Скайдрите

Октябрь 1983 года, хутор «Крастмали».

(Автор письма пенсионерка Скайдрите Закс из Елгавского района)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

12 августа 1984 года

Добрый день...

... случилось так, что я стала сомневаться в реальности происходящего. Мне вдруг показалось, что я нахожусь в какой-то другой жизни, не в своей, и мне было страшно, что меня вот-вот за шиворот выкинут оттуда как непрошенного гостя. Но долго предаваться этому чувству нереальности не пришлось. Навалились кучей незначительные,

но неотложные дела и обязанности, а когда, например, моешь посуду, ни малейшего сомнения в реальности этого действия уже не возникает. Потихоньку пришла к заключению, что все это со мной произошло на самом деле.

Все началось с почтового извещения о бандероли и моего большого удивления по этому поводу. Я терялась в догадках, от кого могла прийти бандероль. В конце концов, решила, что, наверное, это учительница Клявиня прислала моему Алексу детские книжки с картинками на толстых картонных листах. Но полной уверенности в этом не было. Поэтому, не скрывая любопытства, уже издали пыталась разглядеть, чей это почерк на посылке. Почтовая служащая аж вздрогнула, когда я не только улыбнулась во весь рот, но и громко засмеялась. Нет, совсем не из-за того, что меня что-то рассмешило, но в том месте, где находится сердце, вдруг так защекотало, что я просто не могла иначе! Мне надо было громко смеяться! Сияя, полетела домой. Запыхавшаяся почтовая служащая меня еле догнала: «Вы забыли паспорт!». Не помню, как вернулась домой: пешком, бегом или, может быть, все-таки прилетела по воздуху. И вот теперь сижу с Вашей книгой в руках и думаю, что с нормальным человеком в нормальной жизни такое ведь не могло произойти. На ум приходит крамольная мысль: интересно, что скажут мои внуки, когда найдут эту книгу на бабушкиной полке?... Только бы не отдали ее в какой-нибудь музей (нет, до чего же я жадная!), только бы сохранили книгу как семейную реликвию! Других семейных драгоценностей, которые стоило бы оставить потомкам, у меня ведь не будет.

Я часто вспоминаю Ваше приглашение приехать в гости. Решила было на полном серьезе этим летом приехать, показать Вам Алекса. Но мой летний отпуск нынче выдался таким пестрым, что на Ригу не осталось ни времени, ни возможностей. К тому же наша абсолютно непредсказуемая крестная, которая была запланирована помощником для поездки к Вам, умчалась в Москву помогать подруге поступать в институт Кинематографии и к нам так и не приехала. Обычно я отпуск провожу дома, но в этом году довелось попутешествовать. Такие ближние маршруты как Лимбажи и Аглона можно и не упоминать, главное то, что я побывала в Оленегорске. Поехала туда, чтобы повстречаться со своей таджикской подругой Ханифой. Нормальные люди поехали бы друг к другу в гости или встретились бы где-нибудь на полпути, а мы встретились за Полярным кругом. Две сумасшедшие крысы в год Крысы... Переписываемся уже 10 лет, а вот не встречались до сих пор ни разу. Ханифа приехала туда в командировку как врач. Когда я получила от нее письмо с таким необычным северным адресом, решила, что сейчас надо проехать навстречу всего-то какую-то пару тысяч километров, а иначе кто знает, встретимся ли мы

вообще когда-нибудь. Впечатлений от поездки очень много, но сейчас мне пора укладывать спать Алекса. Бабушка и дедушка уже спят, а Алекс еще бодрствует, причем достаточно громко. Надо погасить свет, тогда он уснет. Об Оленегорске и таджиках напишу отдельное письмо, ладно? Как-нибудь завтра. До свидания (получится ведь!) Сильва.

(Автор письма учитель начальной школы Сильвия Дзиедатая из Гулбене)

7 ноября 1984г

Милая Мариночка!

Спасибо Вам за прекрасно подготовленный вечер! Каждое слово там сказанное было насыщенное и весомое. Чувствовалось, что высказана, наверное, только малая доля того, что видно, узно, прочувствовано. Как хотелось бы продолжить разговор, да не в такой аудитории, а в более узкой, и тогда, верится, разговор получился бы еще лучше. Прекрасная музыка создала такое настроение, что всему сказанному придавала особое значение. Только в зале, чувствовалось, была не та, не Ваша публика или небольшой процент людей, которые пришли на встречу именно с Вами. Не знаю, почувствовали ли Вы это. Но, кажется, под конец Вы всех подчинили, увлекли, нашли чем заинтересовать, и ушла (так мне кажется) совсем другая публика, не та, или, во всяком случае, не такая, какая приходила на вечер.

О предстоящем вечере я узнала из публикации в «Literatūra un Māksla». Получаю газету в пятницу вечером, когда возвращаюсь с работы. Значит, получить билет в тот день нет возможности.

Суббота — следующий день, был рабочий день. После работы пойти за билетом не было возможности. Пошла в понедельник и получила отказ — все билеты проданы. Представьте мое разочарование, тем более, что сказали — нет смысла искать по другим пунктам. Впервые в жизни хотела попытаться попасть на вечер без билета. Долго и мучительно строила планы проникновения в зал и нервничала заранее.

В бюро пропаганды литературы, когда мне отказали в билетах, конечно, сказали, что будет повторение вечера, чтобы следить за рекламой. Меня это, конечно, утешало мало, но когда я пришла туда второй раз, вдруг предложили два билета на первый вечер. Я, конечно, обрадовалась бесконечно и не стала же выяснять, каким образом билеты вдруг все-таки оказались. Была на вечере с подругой, а остальные мои друзья, которым я достала билеты только на второй вечер, еще пойдут. Сейчас я немного приболела,

но если до 13 ноября смогу встать, то на вечер буду обязательно. После таких вечеров уходишь богаче, есть о чем думать еще долгое время. До свидания на вечер — Бенита.

(Автор письма Бенита Думберга, библиотекарь из Саулкрасты)

7.05.1985 г.
Таллин

Дорогая Марина Григорьевна!

Вот и еще одна Ваша книга. Как долго мы ее ждали... Еще с тех пор, когда в «Комсомолке» появился очерк об авторе «Луны», правда, все в нем было обнажено, даже слишком, но это не имело для нас значения. Мы, в ту пору владивостокские студенты, приняли Вашу книгу с восторгом. Казалось невероятным, что автор — наш ровесник — совсем девочка — так правдива в этой жизни и честна перед собой и людьми. Это равносильно тому, чтобы посмотреть смерти в глаза. У кого-то же хватит на это мужества! Лучше быть романтически прекрасным. Это тоже хорошая защита от жизни. Для многих это выход, выход, чаще всего, в никуда...

Тогда, много лет назад говорили о Вас очень много. Надеялись, верили, ждали. И после, когда встречались, спрашивали друг у друга между прочим: «О Марине Костенецкой ничего не слышно?» — как о человеке, который только что вышел и скоро вернется.

Когда я узнала, что Вы живете в Латвии, мне стало чуточку легче жить самой. Потому что здесь, в Европе, трудно найти даже в самом прекрасном человеке нечто такое, что приобретаешь из общения с людьми «там». Это все равно, что вернуться с другой планеты, а рассказать ничего нельзя — не поверят, и всю жизнь нужно потратить на то, чтобы найти такие слова, в которые бы поверили.

Что-то происходит с нами, когда мы бываем среди этих людей — чукчей, нанайцев, эвенков. Трудно объяснить, что конкретно, но мы как будто возвращаемся к себе человеческим, становимся тихими перед природой, и возвеличивание интеллекта кажется нам банальным.

Вы нашли ключ к пониманию человека, дорогая Марина Григорьевна, через это. Самым трудным путем, но зато самым надежным. Много увидела в Вашей книге нового для себя. Например, этот замечательный юмор, который ограждает героев от фатальной неустроенности, неудачной жизни, трагичности ее. Пожалуй, это главное, что делает «маленького» человека человеком вообще, а «больших» людей это не унижа-

ет, наоборот, еще более возвеличивает в наших глазах.

И второе, что показалось мне важным — для большинства героев характерно философское осмысление жизни («Рубенс»). Пусть неосознанное еще, как у Леши Фролова, но невероятно естественное и открытое.

Желаю Вам, дорогая Марина Григорьевна, замечательных, длинных творческих дней. Прекрасных героев, смешных, нелепых как в жизни, но не полюбить которых нельзя. С глубоким уважением к Вашей замечательной личности — Татьяна Яковлевна Киселева.

Адрес на конверте: Рига, Союз писателей, Автору «Далеко от Мексиканского залива» Уважаемой Марине Григорьевне Костенецкой.

1986.01.25
Kaunas

Здравствуйте, Марина!

Огромное спасибо за милое письмо и статью — я была так взволнована Вашим вниманием и так рада, что смогла чем-то помочь в трудную минуту.

Получив от Вас столь неожиданную бандероль, подумала: каким бы словом — то ли совпадением, то ли телепатией, то ли вообще какой-то мистикой — не назови эту невидимую связь между людьми, она все равно существует, ее нельзя опровергнуть даже в нашем чересчур рациональном веке со всей его НТР. Иначе, чем же объяснить такие вещи, как Золотой Конь, присланный больным ребенком именно тогда, когда Вы больше всего нуждались в поддержке, или то, что бандероль пришла буквально в тот час, когда я раздумывала над Вашей статьей, прочитанной накануне (выписываю некоторые латышские газеты и журналы). А эти раздумья были отнюдь не веселые, мне так хотелось сказать Вам что-то хорошее, ободрить, протянуть руку или — будь мы получше знакомы — просто аукнуть: «А не осталось ли места на Вашем Золотом Коне?» О нет, не в друзья напрашиваться, а чем-то помочь выстоять смелому и благородному Человеку, который уже несколько лет так открыто идет в бой с самой страшной химерой всех времен — Равнодушием, Черствостью души человеческой. И не удивляюсь, что у этого человека есть недруги, даже враги. Ведь своими статьями Вы многим наступили на мозоли или хотя бы пробудили от сладкой дремы. Конечно, куда спокойнее закрыть на все глаза, заткнуть уши и делать вид, что проблемы, поднятой Вами, не существует вообще. А она есть, причем наболевшая столько, что надо лишь спасибо сказать человеку, который

осмелился (первым!) стать в защиту этих обездоленных детей, который (после стольких лет всеобщего молчания...) напомнил обществу, что «...они тоже пришли в этот мир». А то, что пришли именно такими, опять же — в большинстве случаев — виновато слишком долго затянувшееся молчание общества. Конечно, намного легче быть лишь кабинетным писателем, сидеть в тепле, писать — как часто! — себе (но не другим) на радость безобидные рассказы о любви (увы, как часто «псевдо»...) или высоких чувствах Ответственности, Дружбы, Благородства (увы, как часто не имея понятия, что это такое...). А публицистика! Это — всегда позиция, это всегда — «вызываю огонь на себя». И нам, читателям, остается лишь восхищаться людьми, которые сознательно взваливают себе на плечи тяжелую ношу ответственности, сознательно вызывают на себя этот огонь. Так что держитесь, Марина! Мы слышим Вас.

О переводе хоть части Вашей публицистики я думаю очень серьезно, но пока что, как говорится, нащупываю почву, поэтому еще боюсь делиться конкретными планами. К сожалению, «*Radomju Jaunatne*» выписываю только с 1983 года, и мне не удалось прочитать всех Ваших статей, что были напечатаны раньше. Если бы Вы могли прислать их почитать, я потом бы вернула обратно. Но, конечно, это не срочно, и лишь в том случае, если Вас слишком не затруднит.

Ну вот, и подходит к концу мое длинное письмо. На прощанье хочу пожелать Вам много хорошего, много силы духа в Вашем трудном деле. Твердо верю, что никогда не будет пустовать седло Вашего Золотого Коня (чуть было и я не вскарабкалась...), а вражьи стрелы не догонят Вас!

С уважением (*un turot ikšķi...*)* Renata

* Держу за Вас большой палец... (латышск.)

(Автор письма — переводчица с латышского на литовский язык Рената Заянчаускайте)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

26 октября 1986г.

Уважаемая писательница Марина Костенецкая!

Извините, что пишу не на Вашем родном языке, но это отнюдь не из неуважения к Вам — просто боюсь, что не сумею по-русски четко выразить свои мысли.

Прочла Вашу статью в газете «Литература ун Максла» от 24 октября 1986 г. «Суд идет. Встать!». Никогда не писала в газеты писем и

не думала, что когда-нибудь стану писать, но на этот раз сердце так переполнено, что чувства сами собой выплескиваются в письмо.

Уважаемая писательница, я не думаю, что Вам непременно следует это письмо прочитать. У Вас подобных писем много, а времени на них отведено не больше, чем любому из нас. Пусть это письмо останется моей исповедью, ибо не напрасно же исповедь была придумана не только для умиротворения совести, но и для укрепления духа и утверждения вечных перемен в жизни.

Я думаю о суде над нашим поколением. Мой суд уже состоялся. И я встала, чтобы уже никогда не садиться. Отец похоронен в 1980 году, но его лагерного номера я не знаю, хотя из Салавата он вернулся в 1956 году. Как малое дитя сидел он на скамеечке в лохмотьях, прикрывающих скукожившуюся фигуру, и только огромные синие глаза подтверждали, что это действительно сидит он, и рядом с ним стоит фанерный чемоданчик, единственной вещью в котором лежит детская розовая простынка для купания. Простынка сохранилась, а фанерный чемоданчик — куда-то канул, пропал. А на полке воцарилось хрустальное блюдо... Нет, не думайте, что я люблю хрусталь и что в этом заключается смысл моего существования, но чемоданчика-то больше нет... И лагерный номер... И история во всей своей суровости... История моего рода. Ее ведь не напишет никто.

Помню, что отец сразу же «после того» вернулся в родную сторону под Талсы и работал агрономом в колхозе. Когда он хотел жить у нас с мамой в Риге (готовился к научной работе) для отца поблизости от Риги работы не нашлось, хотя нехватка агрономов была везде. Он был заклемен. И он не стыдился брать в руки лопату, имея полученное в Сельскохозяйственной Академии у Кирхенштейна, Леиня и др. профессоров образование, и работать чернорабочим в Тресте садов и парков. После него в семейном архиве осталась куча почетных грамот, присужденных за честный и самоотверженный «черный» труд вплоть до последнего дня работы, пока ему это позволяло здоровье — в возрасте 80 лет.

Но не только об этом хочу я Вам написать. Это-то все как раз ни на йоту не отличается и от Вашей судьбы, от самоотверженности Вашего отца, его ума и любви к семье, к родине. Не отличаются и мои чувства и ощущения от Ваших. Я точно также не знала, насколько мне можно радоваться своему отцу, а насколько следует стыдиться его, и только в самом конце жизни он был удостоен того уважения и любви, которые ему причитались как Человеку, Отцу и Гражданину этого мира.

Ну, а теперь о наших днях. После развода мой бывший муж писал доносы по месту моей работы — на кафедру, на факультет, в ректорат,

в партийный комитет, в ЦК и т.д. Многократно. Забегая вперед, могу сказать, что сейчас нормально работаю в РПИ (*Рижский политехнический институт. М. К.*) на полную ставку. Но... Пару лет назад я имела только полставки, и то это оставалось под вопросом. Выдержать это морально мне помогла судьба отца. И все же все это еще не закончилось и по сей день. Если для доносов в наши дни почвы в обществе вроде бы больше нет, то для шантажа и коррупции почва обработана более чем! К чему бы нашему поколению вставать перед судом истории, если и так хорошо? Кому какое дело до того, что какой-то бывший сын или бывшая жена утрачивают человеческий облик из-за непрерывно переживаемого через шантаж стресса... Это же такая мелочь в космических масштабах бытия! И есть «нормальные друзья», которым если так уж напрямую и не нравится шантаж и коррупция, то все же зачем же вмешиваться и пытаться пресечь подлость, если она не угрожает непосредственно твоему личному комфорту и мироощущению.

Не судите часть молодого поколения за черствость. Эту черствость им в наследство оставило наше седое поколение, многим представителям которого и в голову не приходит вставать перед входящим сегодня судом. И заметили ли многие вообще, что суд идет? Как реанимировать бесчувственных? — Вот главная проблема эпохи. Без чувств невозможен прогресс. Поэтому так трудно заметить те зеленые ростки, которые все мы так жаждем увидеть. Поэтому спасибо Вам за воскрешение Чувств. За ту святую миссию, которую взвалили на себя как обязанность, как ношу, как смысл жизни и счастье.

С уважением —

Доцент инженерно-строительного фак. РПИ
Аустра Калниня

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

1 января 1987 г.

Милый, милый Человек!

Читаю роман «Плаха» (автор — Чингиз Айтматов. М.К.), и его главный герой Авдий у меня очень ассоциируется с Вами. Поэтому в Новом году хочу Вам пожелать по этому роману «...Так сделать, написать такой материал, чтобы откликнулись на него многие и многие, как на правое дело свое, как на пожар в собственном доме, как на беду собственных детей!»

Если когда-нибудь Вам будет очень тяжело, почувствуете, что иссякают силы — вспомните, что в мире есть хотя бы один человек, для которого Вы являетесь Совестью нашего времени. Жить без нее, конечно, можно, но стоит ли... С пожеланиями радости жизни и сил в Новом году.

Маргарита.

(Автор письма Маргарита Зиеде из Риги)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Извините, уважаемая писательница Марина! Приготовился было я дожидаться Нового года, сидя в конце уходящего традиционно у телевизора и т.д.

Но вот взял в руки «Циню» (*центральная республиканская газета на латышском языке. М.К.*), стал читать высказанные Вами в статье мысли и пришел к выводу, что главная проблема нынешней ситуации для всех народов, для всех стран и мира в целом заключается в том, что на генетическом уровне все глубже опускается в трясину современной жизни — правда, человечность и мораль. Детально анализируя Ваши мысли и слова, слушая музыку в часы, предшествующие смене годов, поймал вдруг себя на мысли, что полюбил Вас, вернее богатство Вашей души.

Поскольку я сын революционера — жизнь жестоко трепала меня уже с детства, потом в страшные годы войны, а также драконовские послевоенные годы и т.д. Но все же судьба была столь милостива ко мне, что ввела меня в область медицины, и как настоящий врач и одержимый хирург я отработал — не считаясь ни с днями, ни с ночами — до инфаркта, и сейчас пребываю в пенсионном возрасте. Простите за такое длинное и нескромное введение — в мою биографию. Но только потому, что хочу подчеркнуть, что я еще лучше Вас разбираюсь в вопросах национальных и интернациональных, ибо и в медицине, и в нелегкой жизни мне приходилось сталкиваться с самой сутью этого явления на каждом шагу. В то же время именно поэтому с большой теплотой и любовью, с чувством глубочайшего уважения я воспринимаю все оттенки богатства Вашей кристально утонченной души. Этим я хочу сказать, что для таких как Вы людей не имеет значения то, где они живут, кто они по национальности и на какие темы они говорят.

...Большое счастье в жизни быть здоровым, обрести душевное богатство, познать истину и определить язык истины в своей жизни.

Вне всякого сомнения, самым прекрасным и дорогим языком является тот, что не зависит от слов — язык взаимопонимания; национальных преград для него не существует. Доводилось мне бывать в чужих странах без знания местного языка, но когда я ходил по магазинам, покупая сувениры и другие вещи, уважение и понимание ярко выражались с помощью благодарственных жестов, улыбок и мимики, так что все оставались взаимно удовлетворенными. Иногда в медицине самой действенной терапией для крайне тяжелого больного является ласковый взгляд и легкое поглаживание со стороны доктора.

Мне лично приходилось лечить людей разных национальностей. Антипатичных па-

циентов, даже своих врагов я спасал от смерти и тяжелых болезней. Поэтому, дорогая Марина, главное это сам человек, его физическая и духовная ценность. Латышский народ малочисленный, раздробленный, с тяжелым историческим наследием и трагической судьбой, с несчастливым географическим положением, а также с тяжелым незавидным характером, из-за чего и сами-то латыши нередко не способны по-латышски договориться между собой. Но есть у латышей одно хорошее качество — это доброе сердце. Говорю это искренне от души, и то же самое подтверждает мадам Цирис.* Если бы мир не был так страшно засорен экологически, духовно и психологически, то в это время технического прогресса жить было бы легко.

Марина, позвольте мне как старому медику пожелать Вам самого дорогого в жизни — Здоровья, жизнерадостности и светлого ума не только в Новом году, но и на всю жизнь, до последнего вздоха.

С искренним уважением — А. Пайпалс.
31 декабря 1987г.

* Мадам Цирис — наша с мамой соседка по лестничной площадке, латышка, практически не знавшая русского языка; добрая фея моего детства, в буквальном смысле слова спасшая меня, русского ребенка, от голодной смерти. Об этом я с благодарностью рассказала в повести «Письма», которая в 1987 году была опубликована в латышском литературно-художественном журнале «Карогс». М.К.

(Автор письма врач из Риги А.Пайпалс)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

8 января 1988г.

Милая Марина!

Я Вам **В Е Р Ю**, и я уверена, что и те, кто сам пережил ссылку и чудом остался жив, все еще молча несут свою боль и боль утраты близких, потому что до сих пор не решаются говорить об этом вслух. Меня глубоко взволновала — тронула Ваша решимость вынести на дневной свет эту трагедию. Жертвой подлости пали и латыши, и лучшие умы многих других народов... 14 июня 1941 года — солнечное воскресное утро. После завтрака мы собираемся на день рождения к Крестной, и в этот момент в дом входят двое вооруженных мужчин, выводят отца во двор. Бабушка помогла собрать дорожную сумку. Все плачут... «Ну, что вы плачете? Раз надо ехать, значит надо ехать», — якобы, сказала я — младшая из трех сестер. Товарный вагон переполнен... Ночью просыпаюсь от громкого плача, отчаянных криков. Мать лежит обмякшая без сознания. Отца нет... Отцы

и Матери с детьми «уехали» каждый по своему маршруту — в разные стороны. Мать дома заставили подписаться в бумаге под словами «изъявили желание переселиться». Нарымский край Томской области, село Ново-Васюган; село Огнев-Яр, Айпаловский детдом (1944-1945гг.) и опять Ново-Васюган.

В те времена отцы не знали, где находятся жены с детьми, и семьи об отцах не знали ровным счетом ничего. Только спустя много лет после войны Матери в комендатуре выдали маленький клочок бумаги с текстом — «Скоропостижно. Туберкулезом 13 января 1942г.» Лет 10-11 назад я узнала — мой отец умер от душевных переживаний, и что еще это была смерть от помешательства на почве голода. Невероятно! Отец был статен как дуб — любая работа была ему по плечу; на редкость светлая голова, золотые руки. Им восхищались. Хватало и завистников...

Эту весть принес друг юности отца. Мать с ним проговорила довольно долго, но мне больше ничего не рассказывала. Очень хочу повстречать этого человека или его жену, чтобы разузнать все об отце. Но возможно ли это, если неизвестны ни фамилия, ни адрес. Единственная надежда на Радио. Но туда мне доступа нет. Если бы отец выдержал до «пересмотра дела», он, как невиновный, был бы освобожден, и мы бы встретились. «Оправдан» посмертно — разве это может служить семье утешением? Отец был настоящим главой семьи и всех нас очень любил... Навеки 38-летний отец трех дочерей...

Уважаемая писательница Марина, поверьте, я до глубины души переживаю Вашу большую боль — потерю Отца и Матери. И во имя этого желаю Вам:

Пусть сил достанет вынести на свет дневной
Всю тяжесть этих дней и боль утраты,
Что нерубцующиеся шрамы оставляет...

Сегодня много говорят о милосердии. Но вместо этого в жизни чуть ли ни на каждом шагу мы сталкиваемся с равнодушием и жестокосердием. Я сама стала жертвой «бесплатной медицинской помощи», а Мать так и ушла в иной мир с призывами «Помогите! Люди, где вы?», не дождавшись ни обещанного места в больнице, ни какой-либо помощи от медиков дома. 18 апреля 1987 года проводили ее в Дом Вечности под жалобные как сама жизнь звуки скрипки и стихи младшей дочери «Посвящение Матери»:

Не уходи же, не уходи... О, нет, нет!...
Отзвук молитвы затухающей свечи
еще в ушах.
Хочу остаться до конца.
Стараюсь хоть что-то еще спасти, -
Но иссякают силы. — Я одна...
Не сумела дольше уберечь

Твою догорающую свечу...
Прости же, прости,
Ай, Мама!...
10 лет на постели...

И только недавно я взяла в руки конверт, на котором Маминой рукой написано: «Документы времен ссылки (и другие). «Ужасы Огнева». «Брошенные на произвол судьбы дети». Это письма Матери нам зимой 1943 и полные отчаяния наши письма Матери, которые писала старшая сестра. Ей было 15 лет, нам соответственно 10 и 7.

14. XII Дорогие дети! На работе (швейная мастерская) мне позволено остаться. Теперь надо пытаться вам перебраться сюда. Пока вас здесь нет, я не могу получать на вас паек и ничем не могу вам помочь. Боюсь, что вы там замерзнете. Держитесь, дорогие дети, перенесите молча эти страдания. Молю Бога... Жаль, что ничего не могу вам отсюда послать. Мать.

15. XII Дорогая Мамочка! Нам очень плохо. Ты пишешь, чтобы мы сами просились к тебе, но никто об этом не заботится. Работать в нашей избе невозможно. Не так страшен голод, как этот невыносимый холод. Плачем каждый день. Ая стала уже почти как помешанная. Громким голосом зовет: «Мамочка, мамочка, иди сюда скорее, я не могу больше жить без тебя...». Мы уже сожгли на дрова стол, кровать, забор, начали топить сенями и полом. Если мы в ближайшее время не попадем к тебе, то нам остается только замерзнуть здесь от тоски и холода, потому что никто не протягивает руку помощи. Минутами накатывает такое, что хочется куда-то уйти насовсем и не возвращаться. Дорогая Мамочка, если мы скоро не встретимся, то Бог знает, встретимся ли когда-нибудь еще вообще. Е.

1 января 1944г. Дорогая Мамочка! Окажи нам поскорее оттуда помощь! Мы были на елке, потому что там хотя бы было тепло. Надеялись все же и на какой-нибудь подарок... В нашей избе такой же холод как на улице... Пожалуйста, пожалуйста, позаботься о нас поскорее. Попробуй сделать это как только можно спешно. Комната полностью опустошена, а другие «двери» для нас закрыты. Все село обошла, со слезами просила помощи, но напрасно. Все говорят, что ты нас бросила на произвол судьбы и сама там живешь хорошо. Никто больше не хочет помогать, потому что ты повесила нас им на шею.

С приветом Твои ТРИ ЖАЛКИЕ ВЛАЧАЩИЕ ЖИЗНЬ ДОЧЕРИ

Это выдержки из некоторых писем.

Кинофильм «Долгая дорога в дюнах» смотрится сказкой по сравнению с нашими

«приключениями». Я хочу доверить Вам не только эти немногие письма, но и всю свою жизнь, и судьбу всей своей семьи со всеми ее туго завязавшимися узлами. Думаю, рано или поздно это могло бы пригодиться Вам в творческой работе.

Мне самой уже этого не успеть, и не только из-за здоровья... Глубоко в сердце щемит еще от так и несостоявшихся грез и мечтаний детства и юности... Есть несколько идей, которые я бы хотела обсудить с Вами, Марина. И Вы бы мне доставили истинную радость, если бы приехали ко мне, когда захотите и сможете найти для этого время не в ущерб своей работе.

Я живу одна в доме, который строил и так и не достроил до конца из-за «путешествия» отец. Для меня эта память свята — уголок природы в некогда таком красивом месте, устье реки Лиелупе. Здесь Вы могли бы почерпнуть сил у стройных берез и сосен, у дыхания моря, у аромата сирени. Это мое самое большое богатство. Оно хранит меня в жизни в минуты смятения. Но как долго сумею еще я все это охранить? Ближайший сосед — колхоз «Узвара» положил глаз и на этот уголок земли и любой ценой хочет стереть с лица земли дом, как успел уже уничтожить вокруг сотни сосен, десятки красавиц берез.

Мой отец деревья не только берет, но и сам принес из леса саженец — и пышной кроной тот дубок за годы разросся. Разве это не является тоже частью истории Латвии — выращивать и беречь. За последние 30 лет много чего уничтожено по всей Латвии. Нет больше отца, но остались плоды его труда; о них говорит каждая пядь земли в моем дворе. И на многих фотографиях он виден. Между прочим, улице, на которой я живу, название дал отец — Лашу (Лососева. М.К.). Снасти для ловли лосося, сделанные руками отца, к фильму «Сын рыбака» выбрал сам ВИЛИС ЛАЦИС.

Уважаемая писательница Марина, я очень, очень Вам верю, доверяю, и очень, очень буду ждать Вас. Пожалуйста, приезжайте к своей сестре по судьбе...

Сердечно — Ая Симане
Телефон 6-53785
Лиелупе, улица Лашу 12.

От станции надо ехать до конца 1-м автобусом. Напротив остановки, за магазином из красного кирпича — мои ворота и деревья каштанов в почетном карауле. Из дома выхожу редко, но лучше все же бы позвонить, прежде чем поедете.

До свидания!
Ая.

(Автор письма Ая Симане из Юрмалы)

Огре
28 августа 1988г.

Уважаемая Марина Григорьевна! Сегодня, т.е. 28 VIII в радиопередаче «Dzintarkrasts» очень понравилось и возбудило написать Вам несколько строк. Огромное спасибо, дорогая Марина! В своем выступлении Вы сказали именно о том, о чем я думал на протяжении длительного времени. По возрасту я намного старше Вас, я также русский, родившийся в Латвии. Мне в жизни до 18 лет довелось прожить в буржуазной Латвии, многое мне пришлось видеть и плохого, и хорошего. Но мы, русские, берегли и хранили свою русскую культуру, хотя и находились в меньшинстве. Я родился и вырос в г.Даугавпилсе. В мое время в нашем городе много было жителей русской национальности, мы дружили друг с другом, мы уважали друг друга. В наше время были всевозможные кружки, где мы принимали активное участие в хоре, драмкружках, народных русских танцах и пр. Мы все завидовали людям, которые жили в России, мы были оторваны от нашей родной земли. Но, увы! 1940 – 1941 г.г. многих наших любящих Россию и родину отправили в тюремных вагонах на восток. Из них – наши умные и добрые учителя, музыканты, певцы и прочая интеллигенция русской национальности.

Пропала наша русская культура Латвии. В Вашем выступлении я понял, что есть попытка возродить нашу русскую культуру Латвии. Приветствую и в чем я лично могу в этом вопросе всегда буду рад принять участие. В данное время меня волнует один вопрос, о котором я уже обращался как в партийные, а также в советские органы, но пока безрезультатно. В Огрском районе в поселке Сунтажи имеется бывшая православная церковь, здание которой является памятником архитектуры республиканского значения. В послевоенные годы церковь была действующей, но ввиду малого количества прихожан она прекратила свою деятельность. Это красивый архитектурный памятник, и в настоящее время превращается в развалины. Рядом живут иммигранты, которые сорвали крышу, и постепенно здание разрушается и переходит в развалины. По этому вопросу я лично обращался и в Огрский райком КПСС, к депутату Верховного Совета ЛССР по Огрскому избирательному округу тов. Полянскому, а также к депутату Верховного Совета ЛССР народному поэту Латвии Иманту Зиедонису, но пока сдвигов по этому вопросу нет. Об этом я сучусь более 5 лет и безрезультатно.

Марина Григорьевна, если можете в этом вопросе, то помогите, Вы многое делаете, и во многом это у Вас получается. Спасибо за заботу о сиротах, о которых Вы проявляете в своей жизни внимание и заботу. Я всегда с большим удовольствием слушаю Ваши выступления в нашем

городе Огре, сердечное за это Вам спасибо.

Еще раз прошу, давайте совместно добиваться сохранения здания православной церкви в поселке Сунтажи, пусть она не будет церковью, а музеем, концертным залом или музыкальным классом. Его создавали наши русские предки.

С уважением Россетов Борис Иванович

Подробнее о бывшем храме я мог бы Вам много рассказать, особенно в период Отечественной войны, где мне пришлось пройти эту местность с боями.

(Автор письма Россетов Борис Иванович из Огре)

Лиепая, 25 октября 1988г.

Глубокоуважаемая Марина Костенецкая!

Простите меня великодушно за то, что не будучи с Вами знаком лично, осмелился беспокоить Вас по вопросу, который, как я надеюсь, может заинтересовать лично. Позвольте мне представиться: Даугатс, Эдуард Юрьевич, канд. филол. наук, доцент Лиепайского пед. института с 1966 года. Родился я в гор. Архангельске 1920 года в ноябре месяце. Мой отец, по национальности латыш, из крестьян Ливберзенской волости Митавского уезда во время первой мировой войны попал в г.Архангельск. Моя мать немка, из семьи архангелогородских немцев, обосновавшихся с 1762 года в г.Архангельске. В марте 1921 г. наша семья вернулась в г.Ригу, где в то время жили родители отца. Основную школу (частная гимназия О.Беатер, впоследствии о-ва русских педагогов), т.е. 6 классов окончил в 1935 году, далее учился во второй государственной гимназии (гуманитарной), в 1940г. поступил на факультет вет. медицины, а в 1941 году 14 июня нашу семью «уехали» на север Красноярского края. Отец из лагеря вернулся, жил в конце жизни снова в Риге, моя мать — умерла на Севере. В начале 1958 года вернулся в Ригу, там меня не прописали, «болтался» на разных должностях в Тукумском районе, в 1960 году поступил на ф-т Иностранных языков ЛГУ, заочное отделение, закончил в 1966 году, работал в Смардской 8-летней школе, а с осени 1966 года на кафедре иностранных языков Лиепайского ГПИ.

Суть моего обращения к Вам заключается в следующем: в Лиепайской газете «Коммунист» от 11.10.88 появилась статья Ю.Ф.Алексакова, (статью прилагаю), а затем «вкальывающие подонки» (выражение Льва Аннинского) начали целую кампанию против Юрия Федоровича Алексакова. Я его немного знаю — жена его Нина Константиновна А-а работала лаборанткой на кафедре Русского языка ЛГПИ — и вот у меня зародилась

мысль ему помочь. Тем более, что против него началась целая кампания угроз, звонков по телефону и т.д. и т.п. Я полагаю, что при теперешней ситуации в Республике крайне необходимо поддержать ту часть русскоязычного населения, именно людей старшего поколения, Юрию Ф-чу 58 лет, которые в силу своего возраста и убеждений, возможно, будут способны в какой-то мере возродить тот дух, который был так ярко выражен в русском обществе в Риге в 30-х годах.

Необходимо хоть как-то собрать, консолидировать, возродить тот дух, которым было напитано русское общество в Риге. После возвращения моего из «путешествия на Север» я тщетно пытался найти людей, с которыми был знаком до моей «эпопеи». Я убедился в том, что если среди латышей еще иногда встречаются люди моего поколения, правда, весьма и весьма в ограниченном количестве, то среди русских «чистка» была почти что 100%. Это и известный в Риге книгоиздатель Дидковский («исчез» еще в 1940-м году), его жену Нину Семеновну и ее сестру Елену Семеновну встречал еще в конце 1940 года, с К.К. Витковским, его женой и дочкой Верой ехали в Сибирь в одном поезде. Заходил к ним в 1959 году, они все еще были живы, сейчас только одна — Вера. Настоятель Кафедрального Собора умер у нас на руках в первую же зиму в тайге. И так без конца... Правда, здесь еще обретается Борис Федорович Инфантьев, ныне доктор пед. наук, которого знаю с 8-летнего возраста, но... Так вот, глубокоуважаемая Марина Григорьевна, уж простите меня великодушно, что позволил себе побеспокоить Вас, но я думаю, «дело Ю.Ф.Алексакова» могло бы послужить для чего-то иного, ну, а «вкалывающих подонков» так или иначе следует за ушко, да на солнышко. Был бы Вам чрезвычайно признателен, если ответите мне и, если бы приехали в Лиепая, то моя комната в Вашем распоряжении. Мы с женой живем одни, дети уехали, и Вы нас несколько не стесните. Адрес: (...) Телефон: (у нас всегда кто-нибудь дома).

Примите уверения в моем искреннем к Вам почтении.
Ваш — (подпись)

В конверт с письмом вложена и газетная статья Ю.Алексакова

Взморью быть чистым, науке — честной

С большим вниманием прочитал репортаж в газете «Ленина цельш» от 27 августа и резолюцию клуба охраны среды, опубликованную в газете «Коммунист» 8 сентября. Как человек, отдавший морю свыше 40 лет жизни, поддерживаю решение Ницкого сельсовета и присоединяю свой голос к резолюции клуба охраны среды. В этом порыве меня укрепило и отчетно-выборное собрание, проведенное 20 сентября в Балтийском отделении «Механобр», где я работаю с 1975 года.

Заведующий Балтотделением коммунист Шарков В.П., присутствовавший на заседании сельсовета, не решился выступить и толком объяснить, чем же занималось вверенное ему отделение в течение почти 20 лет существования, что конкретно сделано за 7 лет его пребывания на должности заведующего.

От отчетно-выборного собрания коммунист В.П.Шарков вообще увильнул под благовидным предлогом: командировка в город Янтарный. Мне лично позиция руководителя в этой ситуации напоминает поведение незадачливого капитана судна, севшего на мель и покинувшего мостик: вы, мол, тут снимайтесь, а мне нужно срочно по служебным делам на берег. А если же рассказывать о сегодняшней работе Балтотделения, то без экскурса в историю не обойтись.

В 1968 году под вывеской Балт-РЭП (Балтийское разведочно-эксплуатационное предприятие) тогдашний начальник Климанов Б.Н. собирался строить на Балтике титановый завод. Ни больше, ни меньше! Утопив одно и списав второе из числа купленных в рыбколхозе судов типа МРТ, фирма вот-вот должна была лопнуть, но как нельзя кстати в 1971 году выходит постановление ЦК КПСС об освоении сырьевой базы континентального шельфа Мирового океана. Умело используя данное постановление, директор московского Института ВНИИПРОЗолото Лезгинов Г.М. добивается решения Совмина СССР о создании в Лиепе и поселке Юрмалциемс Балтморбазы ВНИИПРОЗолото. Очень помогло при этом знакомство директора с Главкомом ВМФ, депутатом Верховного Совета СССР от Лиепай Адмиралом Флота Советского Союза Горшковым С.Г. Как тогда говорили, Адмирал подарил базе парход.

А между тем сухопутный десант разворачивался в Юрмалциемсе. За счет научно-исследовательских работ строились гаражи, бассейны, дачные домики и т.д. Эти сооружения были отмечены в приказе министерства цветной металлургии «О грубых нарушениях финансовой дисциплины и трудового законодательства» и акте Лиепайского Народного Контроля. 19 работников базы, т.е. 30 процентов работающих незаконно получали двойную зарплату. Это был, пожалуй, единственный итог десятилетней деятельности.

Ачем жезанималась наука в эти десять лет?

Регулярно научные сотрудники приезжали из Москвы в командировку, располагались в дачных домиках Юрмалциемса, загорали, купались, собирали ягоды, грибы, делали заготовки. Иногда выходили в море на «Шельфе», как они сами говорили, «макать железки». С большим трудом изготовленные дорогостоящие «железки» шли потом в металлолом. Наука очень любила крылатое выражение: «И отрицательный результат — тоже результат». Но чтобы не быть

притчей во языцех, вывеску все-таки сменили. Стали называться сначала Балтморбазой ВНИПИгорметцвета, затем Балтморотделением ВНИПИгорметцвета и, наконец, Балтотделением ВНИПИгорметцвета.

Манипуляции с вывесками этапировали определенным образом жизнь коллектива («вот уж теперь мы заработаем»), а руководству давали возможность, кроме всего прочего, проявить инициативу: ведь нужно менять бланки, удостоверения, печати и прочие атрибуты. То есть имитировать кипучую деятельность при нулевом коэффициенте полезного действия.

Я останавливаюсь на истории так подробно, ибо вижу, что она начинает повторяться. Снова заговорили о строительстве, расширении. Надо сказать, что большая часть коллектива о намерении института строить пансионат в Юрмалциемсе и административный корпус в городе узнала только из газет.

А чем же сейчас занимается Балтотделение, переданное два года назад Ленинградскому институту «Механобр»? На бумаге «...проводит исследовательские работы по созданию техники и технологии освоения минеральных ресурсов Мирового океана. Испытания горно-морской техники проводятся с борта НИС «Шельф-1».

Какие знакомые слова! Именно эти задачи и стояли перед Балтотделением в начале семидесятых. Прошло 17 лет, затрачено около 12 млн. государственных рублей, но ни одной законченной разработки по этой теме, ни одной принятой конструкции или технологии нет. Зато взяты на вооружение модные слова: хозрасчет, самофинансирование. Можно ли говорить серьезно о хозрасчете, если большинство основных фондов омертвлено. «Шельф-1» из 365 дней в году стоит у стенки в среднем 306 и только 57 суток — в море. 11 автомашин (солидный автопарк) по назначению используются на 10 процентов и непонятно, для чего приобретены. Хоздоговоры по морской тематике заключаются на глазок, стоимость договорных работ без калькуляции себестоимости завышена и, по всей вероятности, включает в себя и «обслуживающую» ренту за использование курортного участка земли в Юрмалциемсе (договор с ВНИИОкеанологии). В других же случаях, как, например, с Рижской лабораторией «Союзморинжеология» — откровенная перекачка условных денег из одного научно-исследовательского подразделения в другое. Тема по двойному счету учитывается и в одной лаборатории, и в другой, а финансируется, в конечном счете, из госбюджета.

В этом случае договор похож на сговор двух сторон, у каждой из которых своя выгода. Теперь, пожалуй, пришло время объяснить позицию автора. Прямо скажем, не просто сразу

разобраться во всех этих «научных» штучках, придя с производства. А в 1975 году я пришел в ВНИПРОЗолото с рыбопромыслового флота, где работал капитаном около 20 лет в Атлантике. В незнакомой отрасли неудивительно попасть под влияние деклараций «впервые в мире мы осваиваем океанскую кладовую богатств, создаем уникальную технику добычи твердых полезных ископаемых». Сказался, видимо, и обычный, принятый во всем мире и правильный стереотип: судовладелец отвечает за рациональное использование судна, а капитан обязан подчиняться судовладельцу. Но уже 15 января 1979 года в докладной ставлю вопрос перед директором о неправильном использовании «Шельфа-1», о круговой поруке и очковитирательстве в отделении. Все предложения уходили, как вода в песок на пляже Юрмалциемса.

Убедившись, что судовладелец не может загрузить судно, стали пытаться как-то окупить затраты на свое содержание. С 1982 по 1987 год судно работало в аренде у комплексной геологической экспедиции Управления геологии Латвии. Несмотря на то, что работы не имели никакого отношения к тематике «Механобра», полезный эффект все же был. Команда чувствовала, что кому-то судно нужно, да и финансовые результаты постоянно увеличивались: за три года доход возрос с 65,6 тысячи рублей до 185 тысяч рублей в 1987 году.

Однако, это не устраивало Балтотделение: аренда не шла в научный план, раздавались сомнительные предложения заключать не арендный договор (единственно приемлемый с точки зрения закона), а какой-то другой. Не соглашаясь с такой постановкой с начала 1988 года, я подал в отставку, полагая, что, может быть, являюсь тормозом в деле перестройки. Этому способствовало и то, что не получил ответа от руководства на предложения по перестройке работы Балтотделения, поданные в письменном виде 25 февраля 1988 года.

А у судна начался застойный период у причала. Судовладелец, не зная, чем занять команду, эпизодически посылает судно в море на работу, вообще не имеющую смысла: брать грунт у острова Рухну и возить в Юрмалциемс. Иногда научно-исследовательское судно возит шлюпки, сопровождает другие суда. В этом году простой у стены достигнет рекордной цифры: 320-330 суток! Чтобы не вызвать брожения экипажа, судовладелец идет на прямое нарушение Основ законодательства СССР о труде: за простой платит команде премию в максимальном размере. Это ли не издевательство над хозрасчетом!

На мой взгляд, Балтотделение «Механобр» в том виде, в каком оно существует, экономически и научно неэффективная организация, не объединенная единой целью для всего коллек-

тива. Зараженная семейственностью в худшем смысле этого слова. Ничем не оправдана и иммиграция работников под видом привлечения ценных специалистов из других регионов. Домовая книга, когда-то необходимая для прописки плавсостава по судну, превратилась в лазейку для внедрения и прописки в Лиенае. Только наш небольшой коллектив в этом году таким образом пополнился на шесть человек, прибывших в наш город, конечно, с семьями. Привлечение студентов из столичных вузов, по-моему, неоправданно: студенты могут научиться как нельзя работать и в смысле допотопной техники, и в смысле техники безопасности при работах.

Я согласен, что время дискуссий и разговоров прошло. Пришло время действовать и работать. Но имеется в виду исполнять работу нужную, имеющую смысл.

Ю. АЛЕКСАКОВ,
капитан дальнего плавания

Гонорар за статью прошу перечислить в Фонд культуры Латвии для благоустройства Курземского побережья.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Прислушайся к песне добра в своей душе
И Ты воспарíš как птица навстречу Солнцу,
Загорись радостью светлых деяний своих...

Милая, дорогая Марина!

Тропы Вашей жизни и работы освещает солнечный благословенный блеск достижений! Значение Вашей работы безгранично. Вы боретесь за то, чтобы люди сохранили доброту. Чтобы жалели друг друга, помогали друг другу. Ваше доброе, самоотверженное сердце борется за то, чтобы пробудить в людях человечность... В саду Ваших достижений цветет много прекрасных цветов, которые благодарны за дарованную им возможность цвести. Они приветствуют Вас и далеко разносят славу Ваших деяний...

Вашей уникальной Личностью восхищаются. Телевидение, радио, пресса Вас прославляют; художники, писатели и многие, многие благодарят... У меня, как у бабушки, скатывается по щеке слеза при мысли, что Ваши благородные Родители, выпестовавшие Вас, не видят славу своей Дочери, которой она вознаграждена за большие достижения в работе... От всего сердца спасибо Им!

Пусть прирастают Ваши силы, и твердокаменные сердца открываются Вашим призывам! Пусть люди, наконец, поймут, что дальше так жить нельзя! Наши дети, внуки должны стать подобными Вам...

Вчера видела Вас по телевизору. В духовной благодарности, с глубоким уважением мысленно погладила Вашу голову. От всего сердца просила Всевышнего Стража уделить сердцу благородной Марины личную радость для себя, себя одной...

Пусть встретится на пути могучий Дуб, который защитит от жизненных бурь стройную нежную Липу, и Их пышные сплетенные кроны да приветствуют мать всего живого на земле — Солнце!

С пожеланием Божьей помощи на каждом шагу Ваша Марта Комисаре.
Рига, 28 января 1989 года.

P.S. Извините, что обращаюсь к Вам без титулов: бабушка Марта Вас очень, очень любит и иначе к Вам обращаться просто не способна. М.

С автором этого письма у М. Костенецкой связаны особые воспоминания. Вот что нашему Альманаху писательница рассказала двадцать лет спустя:

Марта Комисаре — врач стоматолог (диплом получила еще во времена Первой Латвийской Республики) неизменно бывала на всех моих авторских вечерах с цветами. Во время августовского путча 19 августа 1991 года я, как Народный депутат СССР, в 16:00 выступила по Латвийскому Радио в выпуске «Последних известий» с обращением к народу поддержать москвичей, которые в этот час возводят баррикады вокруг Белого Дома — Российского парламента. Логично, что такое публичное выступление в первый день путча могло повлечь за собой арест, и внутренне я к этому уже изначально была готова. Поэтому, когда буквально через час после моего возвращения с радио в дверь квартиры позвонили, открыла со щемлящим чувством — чему быть, того не миновать. Но, распахнув дверь, не поверила своим глазам! На пороге стояли двое взволнованных молодых латышей, мужчина и женщина, которые очень решительно заявили: «Мы только что слышали ваше выступление по радио, вам сейчас нельзя оставаться дома. Не спрашивайте, где мы узнали ваш адрес. Внизу стоит машина — мы отвезем вас на хутор, где есть молоко и картошка. Вы ведь сами сказали, что дольше двух месяцев путчисты у власти не продержатся». Конечно, понимая, что могу «подвести под монастырь» вместе с собой и этих двух симпатичных молодых людей, я искренне поблагодарила их за благородный порыв, но ехать наотрез отказалась.

Путч на третий день провалился. И лишь спустя год я узнала, что молодые люди были мужем и женой, что 19 августа 1989 года дома их ждали двое совсем маленьких детей, и что адрес в час нависшей надо мной опасности им дала доктор Марта Комисаре. Молодой человек был ее крестником.

*На авторском вечере Марины Костенецкой
в Союзе писателей Латвии Марта Комисаре
преподносит писательнице цветы
1985 год*

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Марина, милая, это Вам пишет Бригита из Салдуса. Ну, вот видите, что я делаю — то появляюсь, то пропадаю. В настоящий момент очень, очень хочется написать Вам несколько теплых слов. Во-первых, Мариночка, я очень-очень рада, что вышла в свет Ваша книга. Помню, как в тот раз, когда я у Вас была, Вы переживали, что выход книги задерживается. Итак, еще раз от души поздравляю Вас. Каждую статью в газетах или интервью с Вами — неизменно внимательно читаю, и у меня лично создается такое впечатление, будто мы встретились и поговорили — этим я хочу сказать, что не жду от Вас ответа на мои частные письма, понимая степень Вашей занятости, но если когда-нибудь захотите черкнуть пару строк, буду очень рада их получить. Хочу послать вам несколько слов поддержки, и в этой связи возвращаюсь в воспоминаниях к Айнарите.*

На праздновании 80-летнего юбилея Айнарите собрались вместе приблизительно три группы из разных людей. Друзья юности Айнарите из театральных кругов, группа из балетной школы той поры, когда она там работала директором, и мы, самые близкие люди из детского дома — воспитанники и несколько педагогов. Думаю, что вечер удался, и не чувствовалось между этими тремя группами, как можно было бы ожидать, особых различий. И вот в разгар вечера встает из-за стола какая-то преподавательница, которую я никогда ни до, ни после того у Айнарите не видела, и сообщает, что вот, мол, она, Дембовская, имеет звание заслуженной учительницы. И высказывает свое недоумение по поводу того, что Айнарите, заслуги которой в области педагогики неоспоримы, это звание не присуждено.

Мы все, конечно, согласились, и, вероятно, огонек удивления в наших глазах несколько снизил пафос и самой Дембовской, а Айнарите невозмутимо кивнула на всех нас (кажется, человек 70–85) и с улыбкой ответила — «Вот они и есть мои заслуженные (но мысль была обращена к себе), и в чем же еще больше могут выражаться мои заслуги чем то, что на моем таком уже солидном юбилее вокруг меня собрались люди из минувших годов, из прожитой жизни». Быть может, я передаю текст не педантично слово в слово, но, полагаю, смысл сказанного Вам понятен.

Так вот, я еще не читала в «Атмодэ» (газета Народного фронта. М.К.) то, что там написано и пересказано, да и не заслуживают высказывания злых людей никакого внимания, но хочу сказать и смею утверждать, что и Вы в свои годы можете (не больше и не меньше) улыбнуться, указав рукой на всех нас (этой Вашей аудитории воистину каждый может позавидовать) и сказать — «Вот они — мои заслуженные! И все они меня любят и уважают за мою любовь к ним».

Короче говоря — собаки лают, а караван идет, и все люди доброй воли и чистого сердца с Вами, Марина. С наилучшими пожеланиями здоровья, много сил и выдержки Вам в любом начинании, с сердечным приветом —

Бригита — 10 марта 1989г.

* Айнарите — уменьшительно-ласкательное слово от фамилии Айнаре. В годы войны Ольга Айнаре была директором детского дома, эвакуированного из Латвии в Кировскую область, в село Кумены.

(Автор письма — Бирута Вилуспроге из Салдуса. В годы войны была воспитанницей Куменского детского дома. М.К.)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

10 марта 1989 года

Уважаемые М. Костенецкая, Л. Азарова, Р.Добровенский!

Извините за беспокойство, но не написать Вам в данный момент я просто не могу.

Прочла в «Атмодэ» некоторые адресованные Вам так называемые письма и чувствую, что соприкоснулась с чем-то чудовищным, противным, грязным, что мы находимся не в Европе на пороге XXI века, а вернулись в средневековье. Для этого ядовитого извращения зла нет обозначения, это не только отражение низкого уровня сознания, это и преступление, за которое прокуратуре авторов посланий следовало бы привлечь к уголовной ответственности. Это задевает не толь-

ко Вас, но и всех порядочных, честных людей, все общество. Полагаю, Вы и сами понимаете весь абсурд этих бессмысленных писаний, но все же осмелюсь Вас хоть немножко утешить.

С раннего детства помню свою бабушку, у которой были три подруги — Анна, Александра и Мария Герасимовы, или как мы, любя, их называли — Грасиши. Все три часто гостили у бабушки, равно как и я бывала в их гостеприимном доме. Особенно вспоминаю праздники Пасхи. Доброжелательная атмосфера дома, также как приготовленные Грасишами пасхи, куличи и другие яства по рецептам русской кухни навсегда сохранились в моей памяти светлым солнечным лучом. В те далекие годы внимание никогда не акцентировалось на национальности, это были друзья нашей семьи — и все тут. В 1941 году нашу семью выслали в Сибирь, и Грасиши были первыми, кто протянул нам руку помощи. В Сибири мы были вместе с евреями, молдаванами и уже ранее сосланными украинцами и русскими, и невзирая на крайнюю нищету, голод и отчаяние, мы чувствовали себя более по-человечески, ибо нас никто так не презирав, как это происходит сейчас на нашей родине. Сосланные ранее украинцы и русские были абсолютно безграмотными, но у них было сердечное тепло и сострадание.

И так, сравнивая старую русскую интеллигенцию и простых русских людей, могу сказать о них только все самое хорошее, ибо они принадлежат к истинному русскому народу. В то время как писак адресованных Вам пасквилей есть и остаются внациональными элементами, я уверена, что Райнис им также чужд, как Пушкин, Тургенев и Толстой. Поэтому хочу Вас успокоить и выразить надежду, что раз в Латвии с давних времен в мире и согласии жили люди разных национальностей, то так же это опять когда-нибудь будет. Не сомневаюсь, что авторы этих грязных пасквилей никогда и нигде не сумеют найти настоящему приспособленное место для своего ограниченного и алчного существования. От всего сердца и от имени всей своей семьи выражаю Вам нашу солидарность, глубокое уважение и благодарность за Ваш тяжелый благородный труд, за помощь и сочувствие нашему народу, за человечность, ибо только все эти возвышенные качества способны спасти нас всех от исчезновения.

С искренним уважением Хелия Станиславска

(Автор письма Хелия Станиславска из Риги)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

11 марта 1989 г.

Уважаемая тов. Костенецкая, достойная дочь этой Балтийской земли!

Извините, пожалуйста, за стилистические ошибки, ведь я всего лишь рабочая, слесарь по профессии. Но молчать дольше, не поделиться с Вами своими мыслями не могу, если не хочу до конца жизни испытывать утрызения совести. Я работаю в мужском коллективе, а это значит, что в нашей среде происходит много серьезных разговоров, и мало женских глупостей (как уж это бывает на заводах). Большею частью мои товарищи по работе записаны в паспорте как русские. Но некоторые говорят: «Я советский», а другие еще откровеннее: «Я и сам не знаю, какой национальности себя считать. Какое мне дело, какие вы там законы обсуждаете». В худшем варианте можно было бы сказать «великорусский шовинизм», ведь эти люди действительно балтийские русские, в их жилах течет минимум половина крови не русской, а самых разных других национальностей. Эти несчастные не переняли ни культуру, ни традиции ни одного народа. Самым близким своим я пытаюсь сказать: «Будьте детьми этой земли, примите ее как свою истинную и единственную родину, поймите, что оскорбительно называться «русскоязычные», нельзя плевать на народ, название и язык которого вы приняли». Но я уже в солидном возрасте, без соответствующего образования и возможностей. Поэтому и решила свою озабоченность, даже боль, высказать Вам. Ответа не жду, Вы слишком занятой человек, большие дела вершите. С того момента как народу, и мне в том числе, сообщили, что Берия был только слепым исполнителем воли Сталина, я мучительно размышляю над вопросом: какова же была цель жизни Сталина? Один язык на всю огромную страну — это было всего лишь средство. Такой непревзойденный комбинатор, столь идеально законспирированный и хитрый Черный Гений поставил себе соответствующую гениальную задачу в жизни, которую, конечно же, целеустремленно реализовывал.

Б. Васильев в перепечатанной из «Известий» нашей газете «Ригас Балсс» статье говорит: «...Выплюнем же, наконец, жвачку... Но этого недостаточно. Уберем, наконец, с глаз свои трясущиеся от страха ладони и оглядимся вокруг!... Требуем суда над атаманом и его есаулами... Поднимем головы и сорвем давящие повязки со своего мозга, как много лет назад китайские девушки сорвали давящие путы со своих ног! Плохих атаманов свергают те же есаулы, например, Хрущев. Нет никакого смысла судить последствия, если скрытыми остаются цели, если не делается все возможное для искоренения зла, иначе посеянное зло принесет страшные плоды».

Неужели Сталин действительно полагал, что освоение Севера обойдется дороже, если к эшелонам с заключенными прицепить несколько вагонов с одеждой и продуктами питания, предназначенными именно для них? Неужто он думал, что ради получения валюты стоит умо-

рять голодной смертью не несколько тысяч даже, а миллионы крестьян? А может быть, он замыслил просто уничтожить народы бывшей царской России?

Говорят, что грузины пострадали не меньше других народов. Но кого сегодня ненавидят на Кавказе, в частности в Грузии? Русских! В любом случае, гораздо больше, чем Сталина. Кого осуждают, кого считают виновником всех бед в Средней Азии? Местную власть, игнорирующую советское законодательство? Нет, русский народ! Кого ненавидят малые, вымирающие народы? Русских! А кто утратил больше всех из веками накопленных ценностей культуры и благочестия, у кого больше всех уничтожена история, причем бесценная, многовековая? Именно у русского народа! Что произошло с насильственно переселенными народами?

Дети с молоком матери впитали тоску по утраченной родине, которую у них отобрали русские. Прибалтику от фашистского ига освободила Советская Армия, в которой были солдаты всех советских народов и народностей, а организовать депортации приказали и воплотили их в жизнь русские! В каждом народе есть индивиды, которые вступили в смешанные браки с русскими. Произошло провозглашенное Сталиным «слияние народов», и это были отнюдь не отдельные браки, которые всегда заключались действительно по взаимной любви и уважению. И — вот оно! Растения селекционируют по науке, так же с научным подходом скрещивают животных, но человек ведь самое высокоразвитое и сложное существо. По сталинской политике выходит «Лес рубят — щепки летят!». Как средство для ослабления русского народа используются «отщепенцы» (любимое выражение И.В.Сталина) из поработанных народов — наиболее слабые экземпляры, которые собственную бесхребетность скрестили с великорусским шовинизмом, породив таким образом «русскоязычную массу советского народа». Цель уже почти достигнута. Запущенная машина работает отлично. Русский народ остается уже в жалком меньшинстве в своем Отечестве, а по всему Союзу кочует русскоговорящая толпа, обманчиво выдавая себя за народ. Страшно так открыто говорить, но 23-го и 25-го февраля казалось, что на манифестацию вышло стадо уродливых варваров. (Автор письма здесь явно имеет в виду митинги Интерфронта, проходившие в Риге на армейском стадионе на улице Кр.Барона. М.К.). Думаю, что священным долгом Вашего вновь организованного Общества русской культуры должно стать спасение одурманенных Интерфронтом людей. Следует всеми доступными средствами помочь им осознать разницу между душой русского народа и пустым чванством «русскоязычных». Если им и удастся уничтожить латышей и остатки еще какого-нибудь небольшого народа, то это ведь только усугубит моральное разложение советско-

го народа. Такой народ и такую империю ничто не спасет от раздробления и распродажи страны теми же вождями «русскоязычных» — продадут тому, кто больше заплатит. Интерфронт борется за то, чтобы русский язык был узаконен как главенствующий в республике, и при этом злится, когда сторонников Интерфронта называют оккупантами и мигрантами. Я понимаю, что простому человеку, которому всю жизнь внушали, что он интернационалист и освободитель, каждый латыш, в первую очередь, и любой балтиец как таковой, так же как и Вы лично, видится предателем, коль скоро решается говорить правду. Конечно же, следует ограничить права мигрантов, прибывших в Прибалтику и, в первую очередь, в Латвию за последние годы. Они ведь посланы сюда организовано, чтобы ослабить активность процессов перестройки в Прибалтике. По правде сказать, если исходить из понятий нашего собственного взгляда на международную юрисдикцию, они не оккупанты, а колонизаторы земли. Причем стоящие ниже немецких баронов, которые со своим «рабочим скотом» все же способны были объясняться на его языке и заставляли своих крепостных честно и старательно трудиться, а не уничтожать безответственно все необходимые для жизнеобеспечения природные ресурсы вокруг себя. Мол, это место мне не родина, не будет здесь воздуха, воды, хлеба — поеду уничтожать следующую область Советского Союза.

Может быть, Вы поймете мысли, которые я попыталась высказать в письме. Все это я вижу в своих товарищах по работе и не могу им помочь. Желаю, чтобы Бог помог Вам и Вашим соратникам вернуть русскому народу его душу и свет, а тем, кто не способен быть русским, найти свое возможное место в другом народе и культуре!

С глубоким уважением Ваша латышская сестра Виктория Витола.

(Автор письма — Виктория Витола из Риги, рабочая завода)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

13 марта 1989 г.

Милая, милая Марина, прочла в газете «Литература ун Максла», что Вы получаете очень много издательских писем как от русских, так и от латышей. Да, к сожалению, и среди нас есть предатели. Люди, у которых нет ни сердечного тепла, ни духовной культуры, это подлецы. Пожалуйста, не принимайте все это близко к сердцу, ведь нам с Божьей помощью вместе, хоть из последних сил, но надо бороться за лучшую, более светлую жизнь.

Спасибо гласности, благодаря которой

мы теперь видим и можем оценить каждого человека, кто каким вырос и как смотрит на себя и на окружающих. Особенно сейчас, когда и нам, латышам, и светлым, добрым русским людям — всем нужно держаться тесно-тесно вместе. Хотя зло и выходит на дневной свет и вершит свои грязные дела, но, в конце концов, доброе и светлое всегда побеждает. Передайте сердечный привет также Людмиле Азаровой и Роальду Добровенскому, и всем другим добрым и светлым русским людям, ведь мы, латыши, боремся за нравственность и справедливость и всегда будем с вами.

С глубоким уважением Зента Герке.

(Автор письма Зента Герке из Риги)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

15 марта 1989 г.

Глубокоуважаемая писательница!

Мы прочли статью В. Даутмалиса в газете «Литература ун Максла» от 11 марта сего года. Поняли, что Вам сейчас очень тяжело. Умоляем, не падайте духом! Мы все Вас любим и уважаем за Ваш талант и гражданскую позицию. В любом обществе есть и злые люди, но их немного.

Здоровья Вам и сил для дальнейшей работы! Коллектив кафедры микробиологии Рижского медицинского института:

(Далее под письмом следует четырнадцать подписей)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

15 марта 1989 г.

Глубокоуважаемая Марина!

Видя, как болезненно вы воспринимаете все те неприятности, которые на Вас «обрушиваются», становится ясным, что Вы никогда не готовили себя к «политической деятельности», что в политику Вы «оказались втянутой» исключительно из-за своей порядочности и совести, что и заставляет Вас активно бороться против всего злого и бесчестного. Но, к сожалению, видно и то, насколько мало предшествующая жизнь подготовила Вас к такого рода деятельности. Возможно, Вы не поинтересовались узнать, что проблема «политика и мораль» весьма актуальна абсолютно для всех демократических стран, где эту проблему считают одной из самых «неразрешимых мировых тайн». Именно поэтому необходимо быть выше, выпады против Вас не стоят такого большого внимания. Мы ведь имеем дело с людьми,

которые не только не знакомы с демократией и честной политической борьбой, но им даже невдомек, что нечто подобное в мире вообще может существовать. Как показали демонстрации Интерфронта, эти люди действуют точно так же как действовали в 1933 году нацисты Германии и в том случае, когда громили здание ЦК КПГ (дом Розы Люксембург и Карла Либкнехта), и в том, когда организовывали субботний бойкот еврейским магазинам и мастерским (упоминаю только то, что видел сам своими глазами). Так что понятие демократии этим людям абсолютно чуждо, и нечего удивляться тому, что действуют они всегда и всюду одинаково; в борьбе с ними необходима закалка, чтобы не утратить в пылу этой борьбы спокойствие и равновесие! Дай Бог Вам сил и выдержки в Вашей справедливой борьбе! Храни Вас Бог и народ Латвии! Пенсионер, инвалид ВОВ Э. Шапиро.

(Автор письма Эммануил Шапиро из Риги.)

Дорогая Мариночка! (Я не знаю Вашего отчества).

Я восхищаюсь бесстрашием и стойкостью, которые Вы преподносите всем в борьбе за счастье детей. Всех детей, я так понимаю, а не только обездоленных. Я понимаю, что внимание и забота, трезвая оценка жизни детдомовских детей — Ваша жизненная позиция. Вы мечтаете о хорошем будущем для этих детей. Я сама по профессии воспитатель детского сада, знаю, как в д/саду, начиная с ясель, убивается индивидуальность ребенка. А уж детдомовские дети...

Мне всегда близко, что Вы пишете. А доклад, сделанный Вами на съезде НФЛ был самым деловым, трезвым и жестким. Честно, я плакала. Держитесь стойко, все нападки на Вас — это от тупости реакции, которую Вы затрагиваете, бьете, критикуете. Можно и крепче, пусть злятся и беснуются. Главное, чтобы Вы знали, что их выпады должны в одно ухо войти, а в другое выйти, не задерживаясь в Вашем сознании.

У меня к Вам большая просьба и вот какого плана. Вы выдвинуты депутатом в каком-то районе Латвии. Где? Я хочу взять открепительный талон у себя и в день выборов поехать голосовать за Вас туда. Мой телефон 610268. Очень буду счастлива, если Вы мне сообщите, о чем я Вас прошу. 23.03 и 24.03 я работаю до 21 часа, значит, можно позвонить в другие дни. На случай работы мой рабоч. тел. 281251.

С большой любовью и с уважением к Вам
Орлова Светлана Александровна

16.03.89. Рига.

Судя по адресу на конверте, автор письма латыш. Но из уважения к писателю Костенецкой он пишет по-русски. Исключительно из взаимного уважения к корреспонденту при перепечатке сохранена орфография оригинала письма.

Уважаемая Марина Григорьевна — держитесь!

Скоро уже будет легко! Народ, которое представляет человечество, за Вами! Пусть не пишутся Ваши книги, за то вы пишете историю человечества, культуры и воскресения. И тут Вами написанные строки светятся золотыми буквами, не погасимые. Вас ругают? Ну пусть. Человека снаружи поняли, поправили экономику, подбросили там колбасу и будут и те «идеологи» довольные. Им же больше не надо.

Желаю победу 26. марта! *

Видите, даже в далекие Прейли народ ставил Вас выше «своих». Люди думают и понимают хотя Вы им пообещали благи «местного характера» В основном вокруг нас не мир животных а человеческий, только иногда не освещенный, введен в заблуждение. Не забудьте немножко милосердия и к себя, не переутомляйтесь. Ваша сила многим нужна!

С наилучшими пожеланиями

Vilnis Andrejsons

19. 03. 89.

* 26 марта 1989 года проходили выборы народных депутатов СССР, на которых Марина Костенецкая шла кандидатом от Прейльского района Латвии.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

19/22 марта 1989г.

Милая Марина!

Извините, пожалуйста, мое столь фамильярное обращение, ведь мы не настолько близко знакомы, чтобы я смела так Вас называть. Но сейчас обращаться к Вам официально я просто не в силах.

Вчера в выпуске русских новостей по ТВ слушала Ваше заявление по поводу развернутой против Вас кампании клеветы. Уверена, что тысячи и тысячи честных людей, так же как и я, были бесконечно возмущены и в своем сердце встали на защиту Вас от этих проявлений подлости.

Но зато показанная потом по ТВ запись с учредительного собрания Латвийского общества русской культуры стала для нас настоящим праздником очищения души. Милая Марина, я хочу Вам сказать, что в те незабываемые дни октября прошлого года, когда мой народ сбрасывал с себя многолетнее ярмо унижений и страха, когда все пережитое, что скопилось в предшествующие десятилетия, разом вырвалось наружу неудержимым криком души, я все же испытывала чувство глубокого стыда в те минуты, когда мы вели себя несправедливо по отношению к тем русским людям, которые были вместе с нами и раньше, и теперь плечом к плечу оставались стоять рядом. Прав был Роальд Добровенский, когда сказал, что собравшиеся на манифестацию, так же как участники Учредительного Съезда Народного фронта, в большинстве своем не хотели выслушивать ничего, что говорилось на русском языке. Это несправедливо!

Марина, у Вас большое и глубокое сердце, и Вы, конечно, понимаете, что это была стихийная, до конца даже неосознанная реакция на пережитую латышским народом несправедливость. В тот момент мы не хотели признать, что страдали и другие народы. И у меня сжималось сердце при мысли о том, что Вы, представители русской интеллигенции Риги, должны были переживать при этом. Русские обзывают Вас предателями, не отдавая себе отчета в том, что единственно Вы и представляете совесть своего народа и защищаете его доброе имя. Латыши тоже косятся на Вас с подозрением, ибо история последних десятилетий безжалостно ставила между собой наши народы. В таких обстоятельствах Вы, русские интеллигенты, вполне естественно, могли отвернуться от «неблагодарных латышей», но Вы этого не сделали. И за это Вам невыразимо большое спасибо.

Сейчас ситуация изменилась. Добрые слова, произносимые на русском языке, латыши воспринимают с особой отзывчивостью. Неправда, что республика раскололась по национальному признаку. Это вопрос только количества, но не качества. Разве латыши самым ярким образом не воюют со своими предателями, носящими латышские фамилии? И не оскорбляют ли Вас самими грязными ругательствами на русском языке? Истинная граница очищения отделяет людей культуры, духовности, жаждущих воскрешения от тех, кто стремится сохранить свои большие или меньшие привилегии, а также от тех, кто был безбожно одурачен. Мое самое святое убеждение заключается в том, что ни один народ не является не лучше и не хуже другого народа, но каждый из них имеет свою историческую судьбу.

Участники учредительного собрания Вашего культурного общества представляли собой малочисленную группу против той угрожающей толпы, которая заполонила 23-го и 25-го февра-

ля Ригу. Но мне не было страшно ни за Вас, ни за нас, ибо я просто физически ощущала ту силу света, которую вдохновенно и обнадеживающе исходило Ваше собрание. Мне казалось, что там присутствовали Толстой и Чехов, и все могучие духи России, кем так богата Ваша культура. Увы, и они, несмотря на формальное прославление, на самом деле так же преданы и попораны. Прав Кнут Скуениекс, сказавший, что в этот вечер один народ опять сумел услышать другой народ. Какую надежду вселяет это сознание! Милая Марина, я не религиозна, но с полной серьезностью и надеждой говорю Вам: храни Вас Господь! В благодарности и любви склоняю голову перед подвигом Вашей души.

Ваша Гунта Страутмане.

(Автор письма — журналистка Гунта Страутмане из Риги)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

20 марта 1989 года

Глубокоуважаемая Писательница! На протяжении многих лет мы читаем Ваши произведения, в которых Вы провозглашаете благородные идеи. Они понятны всем прогрессивным людям, независимо от национальности. Вы осуждаете сталинизм, который столько зла причинил всем народам. И все же больше всего русскому народу, ибо на протяжении многих десятилетий физически уничтожалась русская интеллигенция, равно как и работающие и думающие простые русские люди. Мы очень уважаем Вас за то, что сердце у Вас болит не только за чудовищные обиды, причиненные русскому народу, но и за все другие небольшие народы, которые в результате сталинских репрессий и идеологии либо уже погибли, либо стоят на краю гибели. Недопустимо, что Вам — истинному патриоту Латвии — приходится терпеть поток оскорблений со стороны все еще остающихся среди нас сталинских выродков и жаждущих сохранить свои привилегии чиновников, которые величают себя интернационалистами. Вы являетесь образцом того, кем надлежит стать всем нам, живущим в Латвии латышам и людям всех других национальностей. Всем, в чьей душе болью отзывается разрушенная культура, экологическая катастрофа и социальная несправедливость. Я и мои ближайшие товарищи по работе — латыши, поляки, литовцы, русские рабочие категорически восстаем против последних попыток сталинистов и милитаристов остановить движение прогрессивных сил. Дай Бог Вам сил выдержать их подлые нападки.

В. Зиньгис — рабочий.
Рига.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

21 марта 1989 года

Уважаемая Марина Костенецкая!

Не осуждайте меня за то, что беспокою Вас в такое тревожное время, когда Вы очень заняты. Написать письмо меня побудило создание «Общества русской культуры». Я человек некоммуникабельный, поэтому Ваше общество культуры считал единственным местом, куда через Вас хотел бы передать известные мне сведения о местонахождении могилы выдающегося русского художника-передвижника Н.П. Богданова-Бельского (1868 – 1945). Я уверен, что знают это лишь немногие, и со временем место захоронения этого выдающегося человека может окончательно исчезнуть без следа.

Во второй половине 1930-го года, будучи подростком, в Лиепайском музее я смотрел выставку картин Богданова-Бельского. Там присутствовал и сам автор. Высокий, массивный, седой, излучающий доброту человек. Его пейзажи, сердечные жанровые картины, в основном с детьми, с группами детей, стоят перед взором моей памяти еще и сегодня. После долгих «лет скитаний», когда я вернулся на работу в Лиепаяю, в конце 60-х, начале 70-х годов, в Гробинях (10 км от Лиепайи) случайно услышал имя Богданова-Бельского, который умер в 1945 году в Гробинях и там же и похоронен. Насколько мне известно, для Богданова-Бельского неприемлем был сталинизм и, покинув Ленинград, он обрел политическое убежище в Риге. В 45-м году он находился в «Курземском котле» и намеревался отправиться в эмиграцию дальше. Срок отбытия на кораблях был строго регламентирован (как для принудительно вывозимых на чужбину, так и для добровольных беженцев). Лиепая кишела беженцами. Острый дефицит приемлемых для проживания мест и то обстоятельство, что город подвергался непрерывным бомбардировкам, вынуждало людей искать временные пристанища в округе. Богданов-Бельский нашел себе крышу над головой в Гробинях, и, так и не дождавшись срока отправки, там умер. В Гробинях художник был и похоронен — в последний путь его провожала небольшая кучка чужих любопытствующих людей.

В городских учреждениях место его захоронения не было зарегистрировано. Самого дома, людей, которые жили с художником, больше не было. В соседних домах бывшие жильцы тоже уже не жили. И тех людей, от которых я узнал о Богданове-Бельском, тоже теперь нет в живых. В те времена я часто бывал на Гробиньском кладбище (рядом с шоссе Рига-Лиепая). Не раз случалось встречаться там с седыми старушками (в разные мои приходы с разными старушками),

которые знали и показывали мне неухоженный, заросший холмик могилы, где Богданов-Бельский был похоронен перед капитуляцией («большой русский художник»). Я сообщил об этой находке Правлению Лиепайского отделения Союза Художников (где в штате был ответственный секретарь). Лиепайские художники привели могилу Богданова-Бельского в порядок и совместно с Союзом Художников Латвии нашли возможность изготовить и установить на могиле памятную доску. Мы ухаживали за могилой, и каждый год в дни Искусства (так же как у других умерших художников) у могилы Богданова-Бельского проходила минута памяти.

Время идет. Из тех людей, кто все это организовывал, остались немногие. Приходят молодые, меняются традиции, и может наступить момент, когда не останется никого, кто помнил бы, где находится могила Богданова-Бельского. Неухоженная она со временем может и исчезнуть с лица земли. Вот уже двенадцатый год я живу вдали от Лиепай (рядом с Гайзинькалном). Связи начинают обрываться... Может быть, мое пожелание следует передать «Белорусскому обществу культуры» (в этом я не уверен)?

В надежде, что могила Н.П. Богданова-Бельского никогда не исчезнет, с глубочайшим уважением к Вам

Эрик Бауне
член Народного фронта Латвии,
член Союза Художников.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

22 марта 1989 г.

Здравствуйте милая писательница!

Вчера со слезами радостного волнения, такого же, какое испытывала во время трансляции съезда Народного фронта, смотрела по ТВ учредительный Съезд Вашего культурного общества, который показал, что еще не все гиганты русского духа уничтожены, что они еще есть и будут. Наблюдая за русским обществом, я почему-то вспоминаю статью Ленина «Памяти Герцена», в которой автор цитирует Герцена. Позволю себе напомнить наиболее характерные места о том, что «Россия породила как бесчисленное множество пьяных офицеров, банкротов, игроков в карты, торговцев честью, драчунов, мастеров заплочных дел, стражей гаремов, так и прекрасодушных Маниловых. И среди них выросли люди 14 декабря, фаланга героев... Они подобны великанам, выкованным с головы до ног из чистой стали, воины-герои, которые осознанно шли навстречу очевидной смерти, чтобы пробудить к другой жизни молодое поколение и очистить

детей, которые родились в среде палачей и рабского подчинения...» Кажется, что эти строки сказаны о «героях» Интерфронта и о фаланге героев Ваших единомышленников. Хочется верить, что история не повторит с героями русского духа наших дней горькую судьбу декабристов.

Я много путешествовала по территории СССР, и меня беспокоит заброшенность России. Хочу подсказать Вам, не могли ли и Вы бы поднять русских людей вокруг Вас, как это сделал с латышами Имант Зиедонис в Латвии? Меня очень волнует судьба русских церквей. Я не думаю, что все их надо восстанавливать непременно как храмы для совершения религиозных обрядов, если сами русские этого не хотят. Но в них можно было бы открыть музеи, концертные залы и другие культурные учреждения. Одно мне ясно — что все эти храмы являются жемчужинами архитектуры, которые и формируют в России ее неповторимый облик культурной среды. Путешествуя по Волге, я любовалась куполами древних церквей и монастырей, построенных по обоим берегам, вспоминала картины Левитана. Ну, чем бы были берега Волги без этих памятников архитектуры и той атмосферы, которую они создают? Но почти все они покинуты, заколочены, а то и просто осквернены и завалены мусором. Еще безрадостнее картина на Урале, в Карпинске, где под солнечным зноем, ветром и дождем разрушаются без крыши стены белокаменной церкви необычайной красоты. Приветливые сотрудницы художественного музея в Краснотуринске любезно предоставили нам, группе экскурсантов от рижского Дома Учителя, возможность ознакомиться с хранилищем фондов. Там в рисунках и фотографиях мы увидели разрушенные и заброшенные уральские церкви — настоящее чудо русской архитектуры, от которого захватывает дух. Нельзя ли эти изображения опубликовать в каком-нибудь русском художественном журнале или газете с призывом спасти то, что еще можно спасти?

Да хотя бы тот же собор св. Владимира в Херсоне, теперь это территория Севастополя, с которым связана легенда, что воздвигнут он на месте погребения самого Владимира. Правда, там я была лет 15 назад, может быть, теперь, в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси, храм восстановлен, но тогда он стоял без крыши, без пола, был завален битым кирпичом и фекалиями, зарастал бурьяном и даже мелким кустарником. Во многих местах у порога дома доводилось видеть нескошенную крапиву вместо цветников. Может быть, Вы со своим именем можете что-нибудь сдвинуть с мертвой точки и в этой области, так же как Вы начали движение за возрождение доброты. Всего хорошего! Светлой Пасхи!

З. Приедниене

(Автор письма — учительница из Салдуса З.Приедниене)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

23 марта 1989 г.

Уважаемая Писательница М. Костенецкая!

Мы восхищаемся силой духа, который Вы проявляете в эти трудные моменты. Такой дух может быть присущ только честному человеку с чистой душой, способной на самопожертвование. В трудные для Вас минуты мысленно представьте себе нас стоящими рядом с Вами, а таких людей, готовых встать на Вашу защиту, очень и очень много — только в письме этого не выразить. Как мы можем Вам помочь? Напишите, если можем сделать что-то конкретное. Пока же встаем на защиту Вашей работы, Вашей борьбы и Вашего имени. Разъясняем и нашим воспитанникам, что творят враги народа и человечества. Видя, с какой яростью черные души набрасываются на Вас, понимаем, насколько важную работу Вы уже проделали, и как опасны Вы не только для врагов латышского, эстонского, немецкого и русского народа, но и для тех, кто жаждет уничтожить все народы и человечество как таковое. На Вашу защиту в Смильтенском совхозтехникуме встанут:

(Далее следует 23 подписи преподавателей техникума)

P.S. На письме только часть подписей. Собрать все я и не старался. Поверьте: в нашей школе нет человека, который бы не подписался. Преподаватель Эвалд Апинис

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Уважаемая писательница!

Ваш труд сделал нас, Ваших читателей, более человечными. Наверное, совсем ненамного. Быть может, даже тех, кто не хочет становиться лучше, и поэтому поливает Вас сейчас грязью. Хочу поддержать Вас в трудную минуту и высказать благодарность за то, что делали добро для моего народа, моей семьи и меня. Вы нам необходимы, дай Бог Вам сил продолжить неблагодарный, тяжкий, но священный труд. Желаю Вам выдержки и удачи.

Янис Янсонс
23 марта 1989 г.

Мой адрес: Юрмала (...). Если я могу Вам каким-то образом помочь, дайте знать.

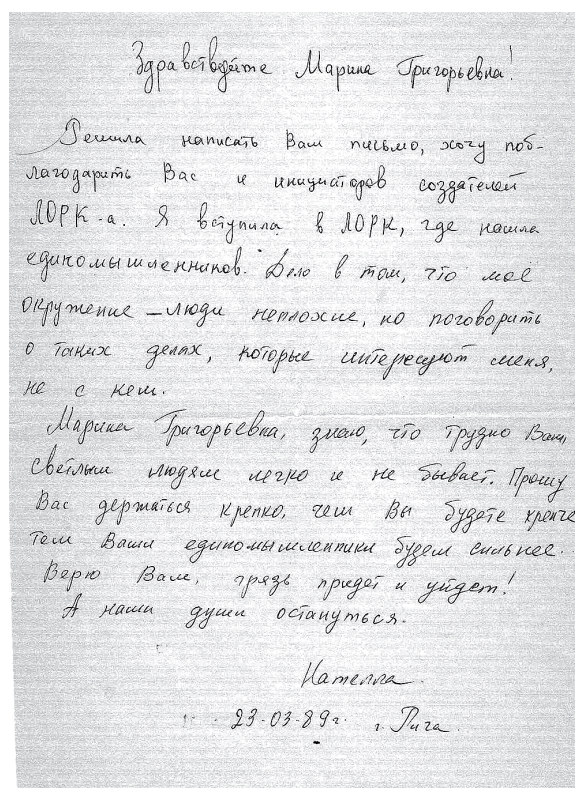
Здравствуйте, Марина Григорьевна!

Решила написать Вам письмо, хочу поблагодарить Вас и инициаторов создателей ЛОР-Ка. Я вступила в ЛОРК, где нашла единомышлен-

ников. Дело в том, что мое окружение — люди неплохие, но поговорить о таких делах, которые интересуют меня, не с кем. Марина Григорьевна, знаю, что трудно Вам. Светлым людям легко и не бывает. Прошу Вас держаться крепко. Чем Вы будете крепче, тем мы, Ваши единомышленники, будем сильнее. Верю Вам. Грязь придет и уйдет! А наши души останутся.

Нателла

23-03-89г.
г. Рига

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Глубокоуважаемая писательница!

Не хочу Вас затруднять длинным письмом — отнимать Ваше дорогое время, поэтому совсем коротко.

Держитесь, боритесь, не опускайте руки, не вешайте голову! Наша семья, друзья сочувствуют Вам и очень переживают за то, как все это разрешится. Мы шлем Вам пожелания силы, хорошего здоровья, крепких нервов и выдержки в этой грязной борьбе! Только идите до конца — не оставляйте этих ничтожных людей безнаказанными, чтобы они наконец поняли, что и в нашей стране вседозволенность недопустима, и злые люди не смогут избежать возмездья.

Держитесь!

Анита Легздиня, сотрудница спортивного клуба инвалидов «Оптимист»

Рига, 24 марта 1989г.

P.S. «Оптимист» тоже болеет за Вас.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Здравствуйте, Марина!

С глубоким уважением слушаем Вас и прислушиваемся к Вам. Миссия Ваша очень трудна, но бесконечно необходима всем нам. Осуждаем оскорбления, направленные против Вас и Вашего отца. Есть у латышей несколько неплохих поговорок: «Собаки лают, а караван идет дальше», или другая: «Рука дающего не оскудеет». Поэтому будем верить в доброе, светлое, которое победит непременно. Переживаем за Вас, и знайте, что мы Вас поддерживаем от всего сердца. Сотрудники Ведущего специализированного конструкторского бюро, март 1989 г., 226076, Рига-76.

Глубокоуважаемая писательница Марина Костенецкая!

Мы — работники 1-ой больницы Юрмалы выражаем Вам искреннее уважение и любовь за то, что Вы так хорошо понимаете боль латышского народа и его непростую судьбу. Не теряйте смелости, особенно сейчас, когда так грубо и тенденциозно Вас оскорбляют представители Интерфронта. Мы с Вами. Пусть наше уважение и любовь согреют Вас и порадуют. Желаем полета творческой мысли и сил в нашей общей борьбе за более светлое будущее. С искренним уважением:

(Под письмом стоит 58 подписей с четкой расшифровкой фамилий)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

24 марта 1989 г.

Милая Марина!

Сегодня, когда на Вас низвергается поток черной грязи и лжи, я Вас прошу — будьте сильной. Ужасно, когда обвинения сыплются на твою голову, но в войне ужасно, если оскорбляют близкого тебе человека, который сам себя защитить уже не в состоянии. Увы, именно так это у нас и происходит. Только не поддавайтесь отчаянию — выше голову! Люди, которые поливают Вас грязью — завидуют Вам. Завидуют тому свету добросердечия, который Вы излучаете. Им

самим этого остро не хватает, и именно это порождает такое стремление зла — любой ценой всех опустить до своего уровня. Если не могут ничего предосудительного найти лично в Вас, надо зайти с другой стороны — все средства кажутся им приемлемыми.

Я никогда не видала Вас в жизни, только с экранов телевизора. Не один раз хотела Вам написать, но всегда откладывала, потому что считала, что простой латышской женщине нечего Вам сказать. Сегодня я не могу молчать. Если эти строки придадут вам хоть каплю сил, я буду счастлива. Быть может позже, когда все уляжется и встанет на свои места, я напишу Вам еще раз и спрошу совета, но это будет потом. В самые трудные моменты помните, что у вас есть не только много завистников, но и много друзей. Пусть добро побеждает не только в сказках, но и в жизни.

С сердечным приветом —
Р. Шнейдере

(Автор письма Р.Шнейдере из Айзпуте. М.К.)

В мире зло недолговечно,
А добро вовек царит!

(Ш. Руставели)

Мариночка, я не хочу быть назойливой, но я просто физически чувствую, как Вам сейчас и больно, и трудно. Но я уверена, что все равно по справедливости все станет на свои места и, независимо от результатов выборов, Ваш ум, доброту и великодушие у Вас все равно никто отнять не может. Много сил Вам.

Бригита

24/III-89 года.

Письмо написано на следующий день после появления в русских газетах Латвийской ССР провокационных публикаций, порочащих честь отца М. Костенецкой — до выборов Народных депутатов СССР остается три дня. Автор письма Бригита Спроге из Салдуса.

*В мире зло недолговечно,
А добро вовек царит!*
(Ш. Руставели)

Мариночка, я не хочу быть назойливой, но я просто физически чувствую, как Вам сейчас и больно и трудно, но я уверена, что все равно по справедливости все станет на свои места и, независимо от результатов выборов, Ваш ум, доброту и великодушие у Вас все равно никто отнять не может. Много сил Вам.

Бригита
24/III-89г.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Глубокоуважаемая Марина!

Пожалуйста, извините, что позволяю себе обращаться к Вам столь фамильярно, но для народа и для меня лично Вы стали такой близкой, я бы сказал даже любимой, что иначе я просто не могу. Отчество у меня, латыша, в памяти не задерживается.

Вашей деятельностью я восхищаюсь уже давно. Это и Ваша глубокая заинтересованность в судьбах сирот, и активность в движении Милосердия, и взвешенный подход к национальному вопросу, но самое главное — пробуждение народной совести. Дважды слышал Ваши выступления воочию на творческих встречах. Вы как человек и женщина, Марина, излучаете такую доброту, неповторимую, не знаю даже как бы это сказать, атмосферу. Я даже полагаю, что Вы обладаете даром экстрасенса. Но не этого ради я Вам пишу. Понимаю, что сейчас Вам очень тяжело, Марина. Бог весть откуда возникли всякие красновы, карк-лини,* недоброжелательно настроенные партийные функционеры-аппаратчики, опасющиеся, что от них могут потребовать знания латышского языка и изменений в стиле работы. Думаю, что самое неприятное, это публичное обсуждение биографии Вашего отца, даже копание в биографии. Это больно, очень больно. Это борьба недо-вольными методами. Будьте сильной, Марина!

Своим письмом хочу Вас хоть немного подбодрить. Мы Вам верим. От своего трудового коллектива уже в пятницу послали в телевизионную программу «Панорама» письмо в Вашу поддержку как кандидата в депутаты.

Спасибо, Марина, за всю добрую Вашу деятельность, за сжигание себя на благо Латвии! Спасибо за то, что Вы такая! И мой отец на вечный покой лег в Сибири — в Иркутской области. Думаю, что хоть отчасти я Вас могу понять. Радуюсь, что, невзирая на всевозможную борьбу и трудное время жизни, Вы не утратили своей женственности.

Сглубокимуважением и благодарностью! Д.Б.
23 марта 1989 г.

*...всякие красновы, карк-лини — имеются в виду авторы заказных статей в прессе, по заданию КГБ порочивших имя Костенецкой.

(Автор письма — Дайнис Берзиньш из пос. Балжи Рижского района)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)
Рига, 26 марта 1989 г.

Милая Марина!

Извините, что я так к Вам обращаюсь, но это только из искреннего уважения и любви к Вам. Быть может, Вам сейчас очень тяжело, но поверьте, рядом с Вами, через свои добрые светлые мысли, находятся очень многие. Марина, пусть у Вас не опустятся руки, а умом и сердцем не овладеет апатия. Именно этого и хотели бы те злые, темные силы, но этого нельзя допустить! Можно и золото и бриллианты закидать грязью и навозом — истинная их ценность от этого не изменится, тем более ценность человека! Пишем это письмо в первый день Пасхи, надеемся и верим, что и Вам этот день принесет радость!*

Марина, благодарим Вас и Ваших единомышленников в Обществе Русской культуры в Латвии. Ваши мысли и работы дают нам возможность заново начинать верить в доброе и честное в Русском Народе! Пусть всегда Вас в Вашем жизненном пути сопровождает наша Laimes Māte!** От имени всей семьи Дипанов: Ивар Дипанс P.S. Если хотите, можете считать это письмо открытым. И.

* 26 марта 1989 года было Пасхальным воскресением, и в этот же день проходили выборы Народных депутатов СССР, на которых, невзирая на все грязные методы борьбы политических противников, М. Костенецкая одержала убедительную победу.

**За исключением слов «Laimes Māte» последние два абзаца письма написаны по-русски.

(Автор письма — Ивар Дипанс из Риги. М.К.)

Mīlā Marina!

Piedodiet, ka šīs tā uzmanīgas, bet tas ir arī patīkams cīņās un mīlestības prāt. Jums. Varbūt Jums patīkās ir ļoti grūti, bet šeit, ar Jums, vēlot savas labas, gaišas domas, ir ļoti daudz. Marina, lai Jums nepelāģas nekādas un prātis un nādi mīļākiem apātija. Jā, mīlā to jau arī gribēt tie domas, mīļās spēki, bet tas nedrīkst notikt! Var jau arī zeltēt un dāmantu apmētāt ar dubļiem un mēslēm, bet pat labāk vēstība jau jāpēd nemainās, un cilvēka jā vairo. Rakstām šo vēstuli Jūsdienu cilvēka, aram un mēlam, lai ar Jums šī diena būtu atņemti prieki!

Marina, благодарим Вас и Ваших единомышленников в Обществе Русской культуры в Латвии. Ваши мысли и работы дают нам возможность заново начинать верить в доброе и честное в Русском Народе!

Пусть всегда Вас в Вашем жизненном пути сопровождает наша Laimes māte!

Дипанс Jānis vārda, Ivars Dīpans
P.S. vēstulē, ja gribat, varat izņemt arī par atkārt.

Здравствуйте, уважаемая Марина!

Пишу Вам это письмо в надежде, что хоть на несколько минут отвлеку Вас от мыслей, которые невольно возвращаются в Вашем сознании как результат тех инсинуаций, на которые, к сожалению, способен человек нашего общества.

Да, действительно, еще далеко до того времени, когда слово «человек» можно будет писать с большой буквы, как об этом мечтал Горький! Итак, вкратце о моей биографии. Мой отец Индрик Лангенфельд, потомок баронских рабов — землеробов, родился в 1890 и, став юношей, ушел в город — в Ригу, где на Русско-Балтийском заводе стал специалистом автостроителем, как тогда называли, в автомобильной мастерской. Началась Первая мировая война, завод и специалистов эвакуировали в Россию, под Кинешму, где отец женился на Прасковье Ивановне Орловой, работавшей кассиром товарной конторы железной дороги.

В 1920 году отец с женой репатриировался на родину, где в местечке Джуксте в 1921 году родился я. В 1922 году родители уехали в Ригу, где я рос и учился в 4-ой городской русской школе. Как это бывает, мой отец пристрастился к алкоголю, дома были неурядицы. Мать пять раз уходила, но мирилась и возвращалась. В 1935 году, наконец, разрыв был полным, и родители развелись, я остался на воспитании у мамы. Как мы жили? Как живут малоимущие пролетарии. В начале 30-х годов, в годы экономического кризиса, когда абсолютно не было работы, мы бедствовали вплоть до того, что голодали. Единственным источником существования был черпак супа и кусок хлеба, который бесплатно выдавали в специальных столовых.

Отец работал шофером, ремонтировал машины, дворничал (бесплатная квартира!), работал на строительстве шоссе дорог и на разных других работах.

Мама воспитывала меня, единственного сына, и души во мне не чаяла, в моей памяти она осталась самым близким и родным человеком на свете. Ежегодно служу панихиды за маму и других родственников. Мама, как и другие русские женщины, зарабатывала на жизнь шитьем, в частности, шила платья на так называемый толкучий рынок возле Центрального рынка.

Характеризуя уровень нашего достатка, следует сказать, что мама шила на ручной машинке, купить ножную или хотя бы «ноги» для ножной так и осталось несбыточной мечтой. Или другое — чтобы сэкономить 2 сантима на буханке кисло-сладкого хлеба, мама покупала вчерашний. Будучи совершенно далеким человеком от

политики, моя мама, а равно и я, вняли приглашению сестры мамы приехать на жительство к ней в Иваново, где она имела собственный домик. В 1936 году были поданы заявления правительству СССР, разрешение получили через год, и в марте 1937 (!) года мы из Риги уехали в Иваново. Как сейчас помню, когда мама и я оформляли документы в Консульском отделе советского посольства (во дворе нынешнего Министерства Культуры) работавшая там пожилая женщина как-то многозначительно взглянула на нас и с грустью сказала: «Ну что ж, может быть, вам будет там лучше!»

По приезде в Иваново я стал учиться на бухгалтерских курсах, а мать поступила работать портнихой. Одно только было удивительно: ехали мы туда полны надежд с верой, что это действительно рай для простых трудящихся, но не встретили к себе абсолютно никакого внимания, если не считать того, что в милиции меня неоднократно уговаривали изменить фамилию, так как мою даже трудно выговорить.

С чувством неприязни взираю, как в наши дни советские деятели нянчатся с приезжими из-за границы. Но все было бы хорошо, если бы не то, что случилось в ночь на первую годовщину сталинской конституции — приехали люди в форме, перевернули в доме все пожитки, захватили с собой мою маму и фотоаппарат. И вот с того дня о судьбе мамы не знаю ничего, и известий о ее дальнейших днях никаких нет.

В 1954 году трибунал Ленинградского военного округа пересмотрел дело моей мамы и прекратил его «за отсутствием состава преступления посмертно». Когда мне исполнилось 17 лет «взяли» и меня. После Лубянки и 14 месяцев в Бутырках без суда, в результате моей подписи на обратной стороне бумажного листа (текст читать не дали) я как социально-опасный элемент был направлен в лагерь на три года. В конце пребывания в тюрьме и в этапе до Котлага, затем до Архангельска, я был вместе с наркомом правительства Стучки в Латвии Давидом Бейка, который поддерживал меня как своего сына.

С сотнями других зеков, с селедкой и черным хлебом на пропитание в Архангельске погрузили и меня в чрево грузового морского парохода, где множеством ярусов были устроены нары — полки, где человек мог находиться только лежа. Так как это был не первый этап, то смрад и миазмы царили внутри этого помещения невыносимые.

А что творилось в течение 7 дней плаванья осенью по штормящим северным морям! Люди делали под себя все. Это текло по многократным нарам. Я несколько раз терял сознание.

Из Нарьян-Мара в грузовых баржах нас

везли по Печоре до Усть-Уса, где помыли, перегрузили в баржи поменьше и повезли пока на Воркуту. Поздняя осень, появился тонкий, но крепкий лед, стал царапать — прорезать борта деревянных барж. Во избежание несчастья, капитан буксира повернул караван в обратном направлении, и самосплавом мы приплыли обратно в Усть-Усу, где в Стройгородке (так назывался лагерь) я и осел, посчастливилось попасть на курсы экспедиторов, где я сдал экзамен на диспетчера речного транспорта, и тут мне повезло — меня послали на близлежащую центральную базу, где я с поляком Пентка работал в транспортном пункте, а затем в транспортной части лагеря в Усть-Усе.

Можно еще много рассказывать, что там пережито. В 1942 году после годичной пересидки, по случаю начала войны, я был освобожден. Как полагается, меня призвал военкомат, но медкомиссия признала непригодным к службе в армии из-за острого туберкулеза легких.

Меня передали в Печерское речное пароходство, где я работал диспетчером пристани Усть-Уса, а затем Наркомречфлот в июле 1944 года направил в Западно-Двинское военно-восстановительное управление. После прибытия в Даугавпилс (Рига была в руках немцев) меня послали в Краславу начальником пристани, где я работал до 1949 года, когда мне предложили работу в качестве помощника заместителя председателя Президиума Верховного Совета Латвии. Но там я был всего полгода, и меня вернули обратно в речное пароходство.

О дальнейшей судьбе до сего дня это тоже длинный рассказ полный обид и преследований за то, что был репрессирован. До сего дня не имею настоящей реабилитации, хотя устно мне это объявляли. Мой отец в Юрмале создал новую семью, жил в Асари, где в 1940–41 годах был советским активистом, за что, естественно, после прихода немецких оккупантов был арестован и, как и мама, пропал без вести. Вот вкратце история судьбы членов одной пролетарской семьи.

Самое печальное для меня — это отсутствие могил моих родителей. Теперь я отец сына и дочери, которые также имеют моих внуков. Всю свою сознательную жизнь, начиная с черной ночи, когда похитили мою мать, я не терял веру и надежду на хороший или удовлетворительный результат. Что в основном исполнилось в виде моей в целом-то нелегкой жизни. Ведь самое главное: несмотря на все, я жив и хожу по родной стране Латвии — земле своих предков. К сожалению, не обладаю писательским талантом и временем, а то, описав все пережитое, получилась бы интересная хронологическая повесть, если не роман. Высказал я свою исповедь с целью обратить Ваши мысли на то, что у каждого члена нашего общества тоже имеются тяжелейшие

переживания. В заключение хочу от членов моей семьи и от себя лично высказать Вам благодарность за Ваше доброе участие и отношение к латышскому народу, его заботам и боли.

К сожалению, не все «русскоязычные» люди наделены мышлением и интеллектом достаточным для понимания того, что девиз «Латвия это наш дом» не есть решение проблемы, ведь естественно, что в каждом доме, во-первых, должен быть хозяин, который ведает, кого и в какое время он поселяет в квартиры этого дома. Прошу извинить, если в написанном присутствуют стилистические или орфографические ошибки. Письмо написано мною на одном дыхании, желая сердечно побеседовать с Вами. Если это удалось, то я вдвойне доволен. С искренним приветом в день Пасхи уважающий Вас Людвиг Индрикович Лангерфельд 26. 03. 89

Под письмом указан домашний адрес и телефон. М.К.

Уважаемая Марина!

Стыдно за тех, кто для себя не нашел более дельного занятия, чем оговаривать Вас. Желаю Вам крепкого здоровья. Спасибо за все, что Вы делаете на благо Латвии!

Барашихина Антонина

Письмо написано на открытке с изображением памятника Свободе в Риге. Дата отправления по почтовому штемпелю 27 марта 1989 г.

Записка от директора Елгавского строительного профтехучилища, а в недавнем прошлом — директора Калупского детского дома Городинского А.Я.

Марина Григорьевна!

Вы Человек!

Я горжусь Вашей победой!

Я с Вами!

Все пройдет...

Городинский А.

Привет от Кати и от всех нас — родных и друзей

Р.С. Катя — в марте 1989 года полуторогодовая дочка Александра Яковлевича Городинского, которой было дано имя в честь моей мамы — Екатерины. Через несколько лет после восстановления независимости Латвии Городинский с семьей (жена, сын, дочь) был вынужден уехать в США, где благополучно проживает и по сей день. Уже в Америке родился еще один сын — Ванечка. М.К.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Мы верим.

Дорогая Марина! Мысленно погладь, покачай хрупкие колокольчики подснежников, улыбнись буйству фиалок, пробившихся на свет на серой еще опушке леса, поймай ладонью принесенную игривым утренним ветром желтую пыльцу с зацветающей вербы.

Годами тепло твоего нежного женского сердца с мужским упорством разрушает в наших душах ледяные оковы затянувшейся студенческой зимы. Будоражит чувства, приближающие весну. И она приходит. Хотя и с прерывающейся от внезапных заморозков трелью скворца, с последней метелью над теплым гнездышком жаворонка, но все же приходит. И в природе, и в жизни.

Матушка в день своего восьмидесятишестого юбилея, наблюдая за веселым хороводом снежинок, сказала: «Подснежники не замерзнут». Да — не замерзнут. Зима отступит. Перед Человечностью, Любовью, Милосердием. Мы верим в это, и мы верим Тебе, Марина. Все: родители, дети, внуки. Верь нам. С Тобой все доброе, светлое в природе и в людях.

От имени семьи Янис Шнопст.
30 марта 1989 г. Инчукалнс.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Уважаемая и милосердная Марина!

Я считаю, что давно с Вами знакома, потому что всегда читаю все Ваши статьи, и всю Вашу душевную боль переживаю вместе с Вами. По профессии я учительница. Свои 33 года отработала, теперь уже без малого 20 лет как на пенсии. Бог даровал мне в целом неплохое здоровье, и вот я еще живу и переживаю в сердце за все, что вокруг происходит.

Сейчас сердце очень болит именно за Аглонское дело. Когда 3 марта т.г. в газете «Падомью Јунаатне» я прочла статью А.Пределе «Опять об Аглоне», мне подумалось, что те люди, которые там наперекор всему собираются все сносить, спиливать деревья и поблизости от церкви возводить запланированные под пансионат здания, очень бессердечны — как будто хотят это делать кому-то назло. Первая церковь в Аглоне была построена в 1700 году, потом в 1776 году та церковь сгорела и вместо нее на берегу озера Эглес в 1768 — 1800 была воздвигнута нынешняя — в стиле барокко, которая является самым красивым католическим храмом в Латвии (сведения из малой энциклопедии Латвии). Два столетия

тому назад это прекрасное архитектурное сооружение было возведено и гармонично вписалось в окружающую среду. Никому в голову не приходило что-то еще поблизости строить. Сердце болит, что спустя 200 (уже почти 300) лет, мы так далеко «развились» в своем восприятии красоты. Что остается сказать нашим архитекторам! Надо бы кого-то из Риги призвать, чтобы просветили несчастных строителей, чтобы не допустили уничтожения уникального пейзажа. Я в своем гневе уже написала одно письмо тов. Стрейчу (председателю Общества латгальской культуры). Он же священник. Может ли он, будучи патриотом Прейли, такое допустить! Мы уничтожили Стабураг, засорили все водоемы, скинули и уволокли на цепях все памятники. Не хватит ли разрушений? Какой в этом смысл? Только зло. Где человеку душой отдохнуть? Негде.

Второе письмо я написала тов. Трачумсу, 1 секретарю Прейльского райкома партии. Его слова, которые он сказал в своем интервью газете «Лауку Авизе», 24 марта этого года, звучат как клятва, что он сделает все для того, чтобы Прейльский район — жемчужина Латгалии — процветал. Я его эти слова для себя запомню и надеюсь, что строительство Аглонского пансионата будет перенесено в другое место, где он не будет затенять самый красивый католический храм Латвии. В 1932 году я закончила женскую гимназию в Јунаглоне. Сегодня уже об Јунаглоне и говорить нечего, но за Аглону еще стоит побороться.

Милая Марина, возьмитесь за руки со всеми светлыми людьми, у которых болит сердце за все хорошее, и поступайте в этом деле так, как подскажет Вам Ваша совесть. «Через тернии — к звездам», такова уж судьба человека. Высказала Вам свою боль, в каком-то уголке сердца стало легче. Желаю Вам всего самого лучшего, что только человек человеку может пожелать.

С уважением Вероника Пилька, бабушка 76-ти лет.

Валмиера
31 марта 1989 г.

Письмо можно считать наказом избирателей, поскольку Аглонская церковь находится на территории Прейльского района, от которого 26 марта 1989 года М.Костенецкая была избрана Народным депутатом СССР.

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

Уважаемая Марина Костенецкая!

От всего сердца сочувствую Вам и поддерживаю Вас в Вашей тяжелой борьбе за справедливость. Позвольте же и мне Вас взбодрить, но отнюдь не потому, что я опасаюсь за Вашу вы-

держку. Я знаю, что Вы настолько сильны, честны и неотступны, что можете служить примером для всех женщин республики. И за это я говорю вам, милая Марина Костенецкая, самое большое и сердечное спасибо не только от своего имени, но и от имени своих знакомых и всех латышских женщин, поскольку бороться и верить в торжество демократии намного легче, когда ощущаешь рядом плечо сильного, глубоко сопереживающего и добросердечного человека! С увлечением и глубоким уважением я и весь круг моих знакомых читаем Ваши статьи и слушаем Ваши речи, поскольку они источают душу — чистую, нежную, сострадательную душу честного русского человека, такую дорогую и понятную латышскому народу уже с давних времен. Доброта — когда-то это была главная черта характера всего русского народа. К сожалению, тяжелые жизненные обстоятельства последних десятилетий сломали нежные души многих, многих... Многим из них может помочь милосердие и Божья милость, но многие — очень многие, сея раздор, скитаются по миру. Жаль! И все же — человек всегда должен устремляться к свету и верить, что свет и порядочность победят. Оставайтесь сильной, милая Марина Костенецкая, и спасибо Вам!

С уважением — Рута Гинтере
(учительница физики и математики на пенсии)
Рига
2 апреля 1989г.
(Республиканская больница, 32 отделение)

(Письмо написано на латышском языке. Перевод М.К.)

2 апреля 1989 г.

Весенний привет!

Пишу Вам, хотя знаю — много у Вас друзей, знакомых. Но я тоже хочу Вас поздравить — как депутата, поздравить с победой, все же добро восторжествовало. Мысленно я постоянно с Вами и слежу за Вашими речами и делами.

Прочла в «Атмоде» за 6-ое марта те ругательные письма, которые были адресованы Вам, и наткнулась на строчку: «А после они тебя и всех тебе подобных выбросят на помойку. Коли ты перед латышами пресмыкаешься». Я бы хотела этому писаке сказать: «Я тоже латышка, и вы уж простите, но я в эти грязные игры играть не собираюсь, я никогда не выброшу на помойку доброе и светлое». Мне кажется, что автор этого письма сам сидит по уши в навозе. И если ты, утопая в навозе, воззовешь к Марине Костенецкой, чтобы подала тебе руку и вытащила из тьмы, то она наверняка протянет руку и выведет тебя на свет, потому что я знаю — она от чужой боли страдает больше, чем от своей.

Не стоило бы и печатать письма таких подлецов. Я от своего имени и от имени многих своих знакомых латышей желаю Вам быть сильной. Я не знаю ни одного латыша, который желал бы Вам зла, могу сказать Вам, Л.Азаровой, Р.Добровенскому спасибо за теплые, добрые слова. Спасибо, что мы разделим тот ломоть черного хлеба пополам. Будьте здоровы.

Хотела бы через Вас сказать спасибо Думе Народного фронта за 25 марта.* Восемь весен моей молодости тоже остались в снежных сугробах тайги и тундры. Поэтому с глубокой благодарностью склоняю голову и говорю самое большое Спасибо за то, что позволили нам возложить цветы, зажечь свечи, спасибо за то, что разрешили нам говорить, высказать свою боль. Спасибо Дж.Скулме, С. Калниете, Я. Петерсу, Д. Ивансу за то, что 25 марта они стояли на Братском кладбище в почетном карауле возле вечного огня. Небо над Латвией в тот день плакало, с деревьев падали и падали капли дождя — как слезы. Спасибо вам всем, кто был вместе с нами.

Не могу забыть утро 27 марта 1949 года, когда наш эшелон дал прощальный гудок и медленно тронулся с места. Эти чувства трудно передать словами, женщины причитали, дети плакали. И вдруг из вагона в вагон хлынула песня-молитва «Боже, храни Латвию!». Мы все стояли посреди вагона и пели, и у всех по щекам катились слезы. Да, и у того седого пахаря латвийской земли тоже. Я смотрела в маленькое зарешеченное окно — это еще моя Родина, это еще березы Латвии. А когда пересекли границу, я сказала: «Прощай, Родина, прощайте синие боры Латвии, прощай радость и счастье, едем навстречу боли и слезам». Поэтому теперь, когда я слышу пение «Боже, храни Латвию!», перед мысленным взором воскресает длинный эшелон боли и на глаза наворачиваются слезы. Я та самая Марта из фильма «Долгая дорога в дюнах», которая переступила порог Вашего дома с ландышами в руках. Теперь узнала, что есть розы, которые называются — Марина. Если когда-нибудь еще открою дверь Вашего дома, то в руках с ними.

С уважением
Лайма Либиете

* 25 марта 1949 года прошла вторая волна массовой депортации населения Латвии в отдаленные восточные районы СССР; первая — 14 июня 1941 года.

(Автор письма Лайма Либиете из Риги)

Милая Мариночка!

Существует, наверное, какое-то особое человеческое родство. Оно вне национальностей и

расстояний, вне пола и вне времени. Для меня ты ориентир, человек, которым я очень горжусь и за которого очень переживаю, хотя, казалось бы, не имею на это никакого права. Думаю, такое же ощущение ты вызываешь в очень и очень многих людях.

Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе всего самого доброго и светлого. Любви! Радости! Силы! Ты мне показывала портрет твоего отца, читала его письма. Свет, который оставил этот человек на земле, не затмит никакая тьма. Держись, моя хорошая. Первым всегда быть трудно. Но ведь и не каждому дано быть первым.

Целую — Алма.
25.12.89г.

(Автор письма — рижанка Дегле Алма Яновна)

Когда в 1992 году Верховный Совет уже независимой Латвийской Республики собирался принимать Закон о гражданстве, согласно которому гражданами Латвии не могли стать многие из русскоязычных жителей республики, активно сотрудничавших с Народным фронтом и голосовавших за независимость Латвии, Костенецкая посчитала своим прямым долгом вступить за этих людей. В латышской газете «Neatkarīga Cīņa» 21 января 1992 года была напечатана ее статья «Я не могу не сказать», в которой писательница предупреждала латышских политиков о неизбежно катастрофических, в случае принятия такого варианта закона, последствиях — раскола общества по национальному признаку. Статья вызвала очень бурную реакцию в латышской диаспоре. На Костенецкую обрушился поток ругательных писем примерно такого содержания, как нижеследующее.

Рига, 15 февраля 1992г.

Уважаемая госпожа Костенецкая!

Предлагаемый Вами вариант предоставления гражданства всем, всем, всем означает смертный приговор латышскому народу, который в случае принятия такого закона перестанет существовать уже через несколько поколений.

Вы, госпожа Костенецкая, при Ваших знаниях во многих отраслях, во имя превратно понятого гуманизма, готовы обречь латышскую нацию на исчезновение. В любом нормальном обществе все честные люди выступают в защиту коренного, малочисленного населения, даже у Фенимора Купера во всем кругом виноваты не индейцы, а «бледнолицые»... Только вот в постсоветском Зазеркалье все не так как у людей... Я еще хорошо помню, как Гитлер проклинал чехо-словаков за «нарушение прав» Судетских немцев или поляков за «нецивилизованное отношение» к пруссакам Данцига, Силезии и т.п.

Вас, уважаемая писательница и политик, алексеевы, диманисы и алкснисы охаивали на чем свет стоит, теперь они молчат, а скоро начнут восхвалять — мол, «образумилась Костенецкая»... Вот бы с Вашей эрудицией, с Вашим пониманием положения латышей разьесть по белу свету и объяснить с утра до вечера демократам Запада с их ожиревшим мозгом, что преступлением является не отказ предоставления гражданства почти миллиону русскоязычных Латвии, а наигрубейшим нарушением всех прав является то, что количество коренного населения (в первый раз в истории) на своей Родине составляет не более половины. Вместо того Вы, Дозорцев и еще кое-кто объективно пропагандируете то же самое, что, скажем, мадам Т. Жданок.

А мы, латыши, Вас любили, надеялись на Вас. Жаль...

Если Вы, уважаемая писательница, откажетесь от Латвийского гражданства, мне и еще кое-кому будет жаль и обидно, но еще страшнее будет, если в избрании Сейма, которому будет поручено управлять мною и моим народом, будет участвовать хоть один из тех, кто ликовал в дни августовского путча... В «подъезде», в котором я живу, нет ни одной русской семьи, которая бы «не болела» за путчистов и в душе не точила бы ножи на «латышских националистов».

В статье «Es nevaru nepasacīt», помещенной в «Неаткарига Циня» за 21 января, Вы, госпожа Костенецкая, стараетесь доказать, что в случае непредоставления права гражданства всем нелатышам, насмарку пойдет все, завоеванное за последние годы. Я, уважаемая Марина ...овна, противоположного мнения: напрасной окажется борьба всех честных латвийцев (в январе 1991, все три последние года, в 1919 и 700 лет тому), если Латвия выродится в независимое Великое княжество Латвийское или, говоря словами Виллиса Круминьша, в «федерацию этнических групп»... Вы, уважаемая г. К-я, также как (простите за сравнение) полковники, генералы и им подобные, даете нам, латышам, понять, что нас ожидает, если мы не будем «паинькой» и не подчинимся великому брату... Ну что ж, уважаемая инженер душ, иногда честь и нежелание стать предателем своего народа и потомков своих не позволяет быть благоразумными... Стрелки считают и твердо стоят на том, что гражданство людям, прибывшим в Латвию после 1940 г. предоставлять должна специальная комиссия в индивидуальном порядке, согласно закону, принятому Сеймом и только Сеймом — любое другое решение равносильно продолжению геноцида против коренного населения Латвии... Ну, а право человека не надо путать с правом гражданина... Член думы и правления Объединения Латышских Стрелков

O. Laukmanis

Но и спустя годы после Атмоды обратная связь с читателями у Марины Костенецкой не прервалась. В предпоследний день уходящего века латышский читатель на русском языке писал русскому писателю Латвии...

Глубокоуважаемая госпожа М. Костенецкая!

К прекрасным словам на этой открытке хочу добавить следующее: кто для меня Марина Костенецкая — это образец высокой русской культуры, порядочности, человек, приносящий в сердца людей добро, надежду.

По сему еще хочу Вам пожелать здоровья и творческих успехов.

С Новым годом!

С низким поклоном к Вам

Ю. Вайводс

К письму приложена визитная карточка с текстом:

Усадьба «Энкури»

Юрис Вайводс

Капитан дальнего плавания

Здесь Вас всегда поймут